

СЛИНКИН МИХАИЛ ФИЛАНТЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Автономной Республики Крым. Родился 5 декабря 1925 г. в д. Кама, Кондинский район, Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область. Учился на мансийском отделении Ханты-Мансийского педагогического училища. После окончания военного училища и получения первичного офицерского звания принимал участие в Великой Отечественной войне в качестве командира огневого взвода минометной батареи. Участник штурма Берлина. В 1956 г. окончил спецфакультет Военного института иностранных языков (г. Москва). Владеет английским, персидским и дари языками. С 1957 по 1990 г. неоднократно находился в длительных служебных командировках в Афганистане в качестве старшего переводчика, старшего референта, политического советника при

высших афганских партийных и государственных деятелях и советника советского посольства в Кабуле. Автор «Русско-дари военного и технического словаря», 10 монографий и многих научных статей по истории Афганистана и Ирана, а также учебных пособий по персидскому языку. В настоящее время преподает историю стран Среднего Востока и персидский язык в Таврическом национальном университете им. В.И.Вернадского (Украина).

М.Ф. Слинкин
АФГАНСКИЕ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ ¹

ВДОЛЬ АФГАНСКОЙ ГРАНИЦЫ

В конце 60-х годов XX в. мне довелось работать в составе небольшой группы старших офицеров Генерального штаба советских вооруженных сил, прибывших в Афганистан по просьбе афганского высшего руководства для разработки новой организационно-штатной структуры афганской королевской армии. Острота и срочность решения данной проблемы вызывались тем, что старая структура этой армии совершенно не соответствовала требованиям применения поставленной из СССР боевой техники и оружия, в том числе и новейших образцов, которых прежде никогда не было на вооружении афганской армии.

С афганской стороны в названную группу входили на постоянной основе начальник Главного штаба афганской армии, генерал-лейтенант Гулям Фарук (в августе 1964 г. ему было присвоено воинское звание генерал-полковника), начальник отдела внешних сношений министерства национальной обороны (МНО), майор Абдулла Рокай Сулейман (родственник короля по отцу; был женат на сестре королевы Хомайры) и офицер оперативного управления МНО, полковник Абдушшокур Азими. Время от времени к работе группы привлекались и другие старшие и высшие афганские офицеры – специалисты различных родов войск и служб. Местом их работы был избран закрытый на время «Клуб-е аскари» («Военный клуб»), располагавшийся недалеко от королевского дворца «Арк».

Вся работа данной группы направлялась лично Мухаммадом Даудом, бывшим в ту пору премьер-министром и министром национальной обороны. Он, как правило, еженедельно заслушивал доклады и предложения разработчиков, высказывал свои замечания и пожелания по конкретным вопросам и по мере их готовности принимал окончательное решение. Для меня, старшего переводчика группы, как, впрочем, и остальных советских офицеров, встречи и беседы с М.Даудом были не просто рутинной работой, а огромным удовольствием от общения с этой незаурядной личностью. В нем восхищало буквально все: его жесты и манеры держаться, широта кругозора знаний и эрудиция, безукоризненная логика мышления, образная, без вычурности, речь, умение слушать и слышать собеседника, простота, без фамильярности, общения с окружающими, железная воля и выдержка, подчеркнутое чувство собственного и национального достоинства, глубокая убежденность в правильности избранного им пути, целеустремленность и дальновидность государственного деятеля, и твердость в отстаивании интересов своей страны, стремление искать и находить разумные компромиссы по сложным вопросам, а также типичная восточная хитрость и разумная расчетливость.

На первой встрече с нами М.Дауд пояснил, какую армию хотел бы иметь Афганистан. При этом он подчеркнул, что его правительство, осуществляя коренную модернизацию и реорганизацию своих вооруженных сил, руководствуются принятой в стране оборонительной доктриной и решениями Лоя джирги, состоявшейся в ноябре 1955 года и настоятельно рекомендовавшей исполнительной власти «любым достойным честным способом укрепить и вооружить страну в интересах ее обороны». Афганский лидер не скрывал, что потенциальные угрозы независимости, национальному суверенитету и территориальной целостности страны исходят от ее восточного и западного соседей – Пакистана и Ирана в связи с нерешенностью в отношениях с ними ряда исторически обусловленных межгосударственных проблем и споров.

Вместе с тем М.Дауд, ссылаясь на ограниченные финансовые и экономические возможности, заявил, что Афганистан не может позволить себе иметь армию более 95-98 тысяч человек, включая и вновь формируемые части и соединения (примеч.: в дореформенный период численность афганской армии составляла 88-89 тысяч человек). В ходе бе-

---

¹ Продолжение. См. в №№ 82 и 85 настоящего журнала.

седы он также обратил внимание присутствовавших на необходимость внесения определенных корректив в дислокацию войск на территории страны, учитывая при этом как существующие внешние угрозы, так и имеющуюся военную инфраструктуру.

Через несколько месяцев кропотливой «кабинетной» работы, когда уже вчерне обозначились основные контуры будущей военной организации Афганистана, настал черед поездок по стране. В состав нашей группы, кроме указанных выше афганских и советских офицеров, вошли также руководитель коллектива советских военных специалистов генерал Задорин и его переводчик. Цель поездки заключалась в том, чтобы познакомиться на месте с физико-географическими условиями приграничных районов, оценить влияние этих условий на ход и исход возможных оборонительных военных действий войск, определить основные операционные направления, их ёмкость и доступность для действий войск, уточнить необходимую численность и дислокацию армейских формирований в приграничной полосе, а также их оснащённость оружием и боевой техникой.

В соответствии с планом, разработанным и утвержденным афганской стороной, были предприняты четыре длительные поездки вдоль афганской государственной границы. Первая из них состоялась зимой 1961 года на юго-запад и юг страны – в провинции Кандагар, Гильменд, Нимруз, Заболь и Газни. В наше распоряжение в качестве транспортных средств было предоставлено несколько автомобилей ГАЗ-69, показавших в условиях афганского бездорожья превосходные эксплуатационные качества.

Кандагар

До Кандагара мы довольно быстро и без помех добрались по шоссейной дороге, сооружавшейся тогда с помощью США. Здесь нас встретил генерал-губернатор и командующий войсками провинции, генерал-полковник Хан Мухаммад, мой старый знакомый по Герату. Заняв указанные посты в Кандагаре, он год спустя, в августе 1959 г., прославил свое имя на весь Афганистан решительными действиями по подавлению бунта клерикалов, попытавшихся вывести на улицы и площади провинциального центра толпы фанатично настроенных людей в знак протеста против кампании, инициированной правительством М.Дауда по добровольному снятию чадры женщинами страны. Следует заметить, что под горячую руку генерала попали не только воинствующие духовные лица, но и те гражданские и военные чиновники, которые в массовом порядке не выполнили его указание прибыть со своими женами на прием по случаю 40-й годовщины независимости страны. Как рассказывали очевидцы тех событий, Хан Мухаммад вызывал ослушников по очереди в свой кабинет и ударами суковатой палки по их спинам «учил» их азам демократии и правам человека.

Нашим пристанищем, ночлегом и местом отдыха от повседневных утомительных путешествий на сотни километров от Кандагара стал одноэтажный губернаторский гостевой дом, утопавший в тени фруктового сада и вековых деревьев.

Ранним утром следующего дня мы отправились на запад по заболоченной долине реки Аргандаб в направлении Лашкаргаха. Надо заметить, что сопровождавшие нас афганские друзья непременно хотели внести в сугубо деловую поездку элементы экскурсии по историческим и достопримечательным местам своей страны и напомнить нам, в первую очередь, о ее героической воинской славе. В соответствии с такого рода замыслом, по пути наш кортеж первым делом посетил гробницу гильзайского хана Мир-Вайса, прославившегося тем, что в 1709 году возглавил антисефевидское восстание, принявшее внешне характер религиозной борьбы «правоверных пуштунов» против «еретиков-шиитов» (персов). При этом, как свидетельствуют факты истории, Мир-Вайс, прибегнув к хитрости, заманил персидского правителя Гурген-хана на загородный пир и, вероломно нарушив пуштунские традиции гостеприимства, убил его вместе с приближенными, а затем захватил Кандагар. Этими действиями Мир-Вайса было положено начало к образованию в данном районе первого независимого западногильзайского княжества.

Километров через пятьдесят мы въехали в местечко Майванд – предмет особой национальной гордости и военной славы афганцев в борьбе за независимость своей страны. Как известно, здесь 21 июля 1880 года афганские ополченцы наголову разбили хорошо вооруженную английскую бригаду под командованием генерала Бэрроуза, из состава которой уцелело лишь несколько спасшихся бегством солдат. Потери афганцев составили около 500 бойцов. На месте этой битвы по приказу короля Надир-шаха в 1930 г. был сооружен величественный монумент в честь павших афганских воинов.

Увиденное и восхитило, и немало удивило нас: данный монумент предстал перед нами тщательно ухоженным, а прилегающая к нему территория блистала чистотой, хотя нам до этого случая, в других местах страны приходилось неоднократно наблюдать, прямо скажем, повальное небрежение и равнодушие к сохранению и обустройству исторических памятников. Но главное в нашем удивлении заключалось, пожалуй, в том, что монумент в память Майванда оказался весьма посещаемым местом, о чем наглядно говорили собравшиеся вокруг него большие группы людей, в том числе и школьников-экскурсантов. К ним присоединились и мы и вместе с афганскими офицерами отдали дань уважения борцам за независимость Афганистана.

Через несколько часов пути перед нашим взором предстали еще два исторических места – Лашкаргах и развалины древнего Буста. По сути дела, ныне есть два Лашкаргаха – старый и новый, отдаленные друг от друга расстоянием в семь-восемь километров. Современный Лашкаргах – это небольшой город с ровным рядом коттеджей и зданий общественного и производственного назначения, возведенных в конце 40-50-х гг. XX в. с помощью США при строительстве ими центра Гильмендского ирригационного комплекса. Старый Лашкаргах (в переводе с персидского – «Место войска»; в древности – Буст), или Лашкари-Базар, являлся зимней резиденцией и стоянкой войска газневидских султанов. Город Буст, лежавший на бойком торговом пути из Индии через Иран и далее на запад, упоминался еще в авестийской литературе и ахеменидских хрониках. Согласно широко распространенной версии, город был заложен Баствайри, сыном легендарного Зарира (брата Гуштаспы – мифического иранского царя, принявшего веру Заратушты и способствовавшего ее распространению по Ирану). В 650 г. н.э. жители Буста, как, впрочем, и Заранджа и Кандагара, оказали упорное сопротивление арабам. Захватив город, последние превратили его в опорный пункт для завоевания центрального и восточного Афганистана.

При газневидских султанах Лашкаргах был заново отстроен. Были возведены новые крепостные сооружения, многочисленные торговые ряды с караван-сараями, банями, мечетями, жилыми домами. Что касается султанских дворцов и вилл знати, то они располагались за пределами города, вдоль правого берега Гильменда. И все же при всем многообразии гражданских построек Лашкаргах, по своей сути, являлся главной зимней стоянкой газневидского войска. Здесь, в условиях теплого климата и достаточной кормовой базы, содержались десятки тысяч лошадей, верблюдов и не менее двух тысяч боевых слонов. Об их количестве можно, в какой-то мере, судить по следующим данным. Так, султан Махмуд Газневид, возвращаясь в 1023 году из очередного грабительского похода в Индию (а их он совершил в эту страну за время своего правления 17 раз), устроил в районе Кабула смотр своих войск, в составе которых оказалось 54 тысячи конников, множество верблюдов и 1300 боевых слонов. В 1030 году султан Махмуд вывез из Индии в качестве военной добычи уже 1670 боевых слонов.

После падения государства Газневидов Лашкаргах (Буст) был сожжен гуридскими правителями, а в XIV в. окончательно разрушен в ходе набега Тимура. Однако и сейчас развалины дворцов и крепостных стен этого города поражают воображение всех его посетителей своим былым величием, своей грандиозностью. С высоты развалин открывается изумительная картина долины, где сливаются Гильменд и Аргандаб.

Миновав новый и старый Лашкаргах, наше колонна машин повернула строго на юг, в сторону пустыни Дашти-Марго (Пустыня смерти) с тем, чтобы проехать по окраине других, прилегающих к ней пустынь – Регистан (Страна песка) и Гармсир (Край жары). При

близком знакомстве с ними нельзя было не убедиться в правильности их устрашающих названий. Среди них особенно зловещей и весьма неуютной смотрелась пустыня Регистан, практически непроходимая как для человека, так и техники. Она, возвышаясь на десятки метров над сероватой глинисто-щебнистой пустыней Дашти-Марго, выделялась своим светло-бурым цветом, сыпучими, постоянно, буквально на глазах, перемещающимися с места на место под дуновением ветра песками и сопутствующим им жутким гудением и воем, исходившим, как казалось, откуда-то из глубин земли.

В Кандагар мы возвращались уже ночью, которая здесь, в южных широтах, наступает всегда как-то внезапно. К нашему великому удивлению пустыня Дашти-Марго, днем казавшаяся совершенно безжизненной, вдруг ожила: в свете автомобильных фар то и дело появлялись какие-нибудь живые существа – то степные черепахи, то пятнистые гиены, то корсаки, то шакалы, то мечущиеся от испуга разного рода грызуны и даже джейраны, видимо, направлявшиеся под покровом темноты на водопой к Гильменду.

На следующий день, оставив позади сотню километров, мы за каких-то полтора часа пути по новой, асфальтированной дороге прибыли в афганский пограничный пункт Спинбульдак. Отсюда, от пограничного шлагбаума, открывалась по другую сторону границы панорама обширной, растянувшейся на десятки километров с севера на юг долины, окаймленной с востока высоким горным хребтом. У его подножия лежал пакистанский город Чаман, застроенный добротными зданиями. На фоне гор отчетливо выделялись с десяток дымившихся заводских труб. Эту картину дополняло хорошо видимое черное пятно на склоне горы, из которого некоторое время спустя, к нашему удивлению, вдруг появилось большое белое облако дыма и пара вырвавшегося из тоннеля паровоза. Все это – городского типа жилые дома, промышленные предприятия и железная дорога – резко контрастировало с тем, что приходилось наблюдать на афганской стороне с ее серыми деревенскими постройками из глины и сырца под характерными для юго-запада Афганистана куполообразными крышами.

Состоялся еще ряд длительных, насыщенных работой и крайне познавательных поездок по юго-западным районам Афганистана. После их завершения Хан Мухаммад, на правах мизбана (хозяина), устроил для своих столичных и иностранных гостей загородный отдых – пикник. Его местом был избран небольшой ресторанчик, утопавший в зелени вблизи известных в тех краях плотины и водохранилища Дахла (Аргандаб). Если быть точным до конца, то место и характер пикника были спровоцированы одним из советских офицеров нашей группы. Будучи заядлым рыбаком-любителем, он в ходе ранее состоявшихся бесед с афганцами узнал, что в Аргандабе и Гильменде в изобилии водится рыба маринка (принадлежит к семейству карповых), чуть ли не единственная в названных реках и довольно крупная рыба. Именно этот офицер в ответ на вопрос Хан Мухаммада о том, где и как уважаемые гости предпочли бы отдохнуть от трудов праведных, опережая других, высказал свое сокровенное желание:

- *Господин генерал, говорят, что в ваших реках водится много рыбы. Нельзя ли нам (он, конечно, имел в виду прежде всего себя. – М.С.) попытаться половить ее на крючок?*
- *Почему бы и нет? Да, действительно, в наших реках водится рыба, хотя и не в промысловых масштабах. Но испытать удачу с удочкой в руках вполне возможно. Если все господа согласны на такого рода отдых, – шутливо заметил генерал, – то у меня есть встречное предложение, скажем так, условие: на обед, на свежем воздухе будет подано только то, что вы наловите. Если же – нет, то не зыщите, господа, нам придется обедать здесь, в Кандагаре, и, конечно, без рыбного блюда.*

Условие было единодушно принято. При этом никто из нас ни на йоту не сомневался в своей рыбацкой удаче.

По пути к плотине Дахла наш гостеприимный хозяин остановил машины на западной окраине Кандагара, у небольшой скалы под названием Чельзина (Сорок ступенек). Эта

скала – одна из исторических достопримечательностей Афганистана. Поднявшись с трудом на вершину скалы по выбитым в ее склоне довольно высоким ступенькам, мы обнаружили на скальную надпись, повествующую о подвигах основателя династии Великих Моголов Захиреддина Мухаммада Бабура. Надпись гласила: «13 шавваля 928 г.х. Бабур захватил Кандагар, в том же году приказал своему сыну Мухаммаду Камрану воздвигнуть это прекрасное и величественное сооружение...» (928 г.х. соответствует 1522 году по григорианскому календарю. – М.С.).

С высоты Чельзина перед нашим взором предстали живописный Кандагар, его окрестности и растянувшаяся на десятки километров зеленая долина Аргандаба. Как известно, только здесь произрастают знаменитые на весь мир и уникальные по своим размерам кандагарские гранаты, достигающие в диаметре 20 см и по весу до килограмма. Кроме того, в данном оазисе выращиваются различные сорта винограда, персики, абрикосы, миндаль, вишня, яблоки и многое другое. Значительная их часть вывозится в свежем виде в другие районы страны и за рубеж, а также перерабатывается на Кандагарском консервном заводе. И снова в путь. Через несколько километров по почти безлюдной дороге, вьющейся вдоль Аргандаба, афганские друзья обратили наше внимание на нависавшую справа над долиной грядой гор, именуемую в народе «Филь-кух» («Слон-гора»). И, действительно, ее внешнее сходство с силуэтом этого южного животного было потрясающим. При всей нашей фантазии, было трудно поверить, что подобное каменное изваяние огромных размеров могла сотворить сама природа.

По прибытии к плотине Дахла мы тут же, предвкушая богатый улов, разбежались по берегу реки. Наша самоуверенность в рыбацкой удаче еще больше усилилась при виде ее бурлящих потоков, которые, извергая мириады брызг, перекатывались через огромные глыбы камней и образовывали у их основания многочисленные заводи – излюбленное место обитания рыб в горных реках. Не успели мы развернуть свои рыбацкие снасти и забросить крючки с наживкой в облюбованное место, как заметили, что в непосредственной близости от нас стали собираться группы местных жителей. Десятки наблюдавших за нами глаз, естественно, не доставили нам хорошее настроение, поскольку общеизвестно, что настоящая прелесть любительской рыбалки – в ее одиночестве. Выбора у нас не было: пришлось смириться с данным неприятным обстоятельством. Однако нас ждало другое, более существенное разочарование. Сколько мы ни бегали с одного, казалось бы, рыбного места на другое, клева, как назло, не было. В конце концов, разочаровавшись в удаче, мы без единой рыбешки, с понурой головой вынуждены были возвратиться к машинам.

– Ну что, господа, – с усмешкой и долей доброго ехидства встретил нас Хан Мухаммад, – придется, как мы и договаривались, возвращаться в Кандагар. Не обессудьте, обед откладывается не по нашей вине.

После этих слов он повелительно махнул рукой стоявшему немного поодаль незнакомому нам человеку. Как позже выяснилось, это был главный инженер гидросооружения. Пока мы пили чай на веранде ресторана, по приказу генерала главный инженер перекрыл на время действующий шлюз плотины. Вода Аргандаба на наших глазах начала убывать, обнажая его русло на мелководье и образуя в глубоких местах небольшие озера, заполненные плещущейся рыбой. Собравшиеся у реки местные жители бросились ее собирать. Тут-то и выяснилось, что они пришли к реке не ради того, чтобы поглазеть на иностранцев.

Однако у любителей легкого рыбного промысла был один-единственный путь к своим домашним очагам – только по дороге мимо ресторана. Здесь-то и выбрал удобную позицию предприимчивый Абдулла Рокай. Сидя на стуле в присущей ему позе, перекинув одну ногу на другую, с неизменной сигаретой во рту, он молча, властным жестом руки указывал каждому, кто шел с рыбой, куда положить самую крупную, а какую оставить себе, а затем отмахивая руки в сторону дороги повелевал: «уходи».

Пока готовился обед из богатого «улова» А.Рокая, мы в сопровождении главного инженера осмотрели весьма солидную по размерам плотину Дахла, ее ГЭС и водохрани-

лице. Зажатое между горных хребтов и вытянувшееся с северо-востока на юго-запад на два десятка километров, оно впечатляло своей красотой и величиим. При безветренной, солнечной погоде его голубая водная гладь с отраженными в ней скалами была удивительно похожа на сказочное живописное полотно, исполненное кистью искусного мастера-пейзажиста.

У подножия плотины, куда мы спустились, нас ждало необыкновенное застолье, где главным и чуть ли не единственным блюдом была жареная рыба. К ней в высоких стаканах зеленого стекла был подан гранатовый сок. Как и подобает на светских приемах, мы, изрядно проголодавшиеся, приступили к еде, пользуясь лежавшими на столе специальными вилками для рыбы. Однако в общем-то вкусная маринка оказалась довольно костлявой, так что приходилось постоянно, чтобы не подавиться, вынимать ее косточки изо рта. Хан Мухаммад, заметив наши невольные мучения, предложил:

- *А что, господа, может быть, нам попробовать есть рыбу по-афгански?*
- *А как это? – немало удивились мы.*
- *Очень просто, – сказал он с улыбкой и показал. – Берем правой рукой кусочек рыбы, скатываем в шарик и при этом удаляем из него все косточки большим и указательным пальцами левой руки, а затем едим, запивая гранатовым соком. Как видите, в данном случае рыбный столовый прибор нам, афганцам, попросту ни к чему.*

Мы охотно последовали совету генерала, и нашли, надо откровенно признать, способ «есть рыбу по-афгански» довольно рациональным. Между тем все же подлинным открытием для нас, уроженцев северных широт, явился поданный к рыбе гранатовый сок. Он, как выяснилось, придает рыбе поистине неповторимый вкус, который по достоинству могут оценить, наверное, не только гурманы.

Заболь, Газни, Пактика

Покинув гостеприимный Кандагар, наше группа направилась в южные, приграничные с Пакистаном районы провинций Заболь, Газни и Пактия (ныне Пактика). Растянувшиеся здесь на сотни километров с северо-востока на юго-запад Кандагарско-Газнийское плато и входящие в него Юго-Восточное и Газнийское плоскогорья, в отличие от долины Аргандаба, не восхитили нас, северян, выросших в зоне лесов и дремучей тайги, своим первозданным величиим. И было отчего. Своеобразный серо-коричневатый ландшафт этих плоскогорий, лишенный напрочь зеленого растительного покрова, с их многочисленными впадинами, увалами, изолированными друг от друга невысокими горными грядами и высохшими руслами речушек, заполняемых водой лишь в сезон дождей, – все это не только не вписывалось в наши представления о красоте природы, но и, более того, навевало на нас какую-то неуёмную тоску и уныние.

Поколесив немало по неприветливым местам Юго-Восточного и Газнийского плоскогорий, мы сделали первую остановку в Калате (центре провинции Заболь) и стали гостями командира местного мотопехотного полка. Стройный, подтянутый, щеголеватый, со шпорами на до блеска начищенных сапогах, он всем своим внешним видом и безукоризненной армейской выправкой выдавал бравого офицера-кавалериста, хотя, надо признать, к моменту нашего приезда в его полку уже не оставалось ни одной лошади.

Полковник, видимо, стремясь показать, что и он, провинциал, «не лыком шит» в вопросах национального гостеприимства, организовал для столичных гостей весьма оригинальный ужин: на длинном столе, среди прочих изысканных яств, колоритно выделялась разнообразная жареная птица – от маленьких, с кулачок ребенка, птичек до огромных, едва умещавшихся на подносе особей из семейства пернатых. Гости и хозяин, обменявшись краткими, дежурными репликами по поводу богатого застолья и пожалев, что мусульманские запреты не позволяют иметь к такому столу крепкие напитки, с аппетитом приступили к еде. Всем особенно понравились лежавшие горкой на широком блюде жа-

ренные тушки птичек и нежное мясо самых больших птиц.

После того, как участники трапезы утолили голод, один из московских гостей, горя любопытством, спросил у командира полка:

- *Господин полковник, а как называется эта бесподобная по вкусу маленькая птичка?*
- *Воробей, – как-то обыденно, без эмоций ответил он.*
- *Какой воробей? – вырвалось у вопрошавшего.*
- *А вон тот, что чирикает там, на улице, – пояснил полковник, показывая рукой на окно.*
- *А эта большая птица? – не унимался гость, предчувствуя и здесь что-то неладное.*
- *Это – журавль. Вы, господа, приехали к нам как раз в разгар сезона охоты на перелетных птиц. У нас, афганцев, – подняв в восторге руки вверх и подчеркивая каждое слово, заключил полковник, – блюдо из журавлиного мяса считается деликатесом.*

В ходе данного разговора выяснилось, что наши вкусы и охотничьи пристрастия совершенно не совпадают с афганскими. По соображениям деликатности вопроса, мы, конечно, не стали пояснять своим друзьям, что у нас, в России, воробей и журавль не являются объектом охоты, а их мясо не принято употреблять в пищу. Тем не менее, аппетит у нас все же был подпорчен.

В последующие дни нам пришлось немало поехать по пыльным грунтовым дорогам и тропам юга Афганистана и посетить, среди прочих мест, Заргуншахр, Доманди, Сороби, Аргун, а также провести целые сутки в гостях у командира 14-й пехотной дивизии, дислоцированной в Газни.

Как и в Кандагаре, наши афганские спутники не упустили случая, чтобы познакомить нас с богатым историческим прошлым Газни и его окрестностей. Они напомнили нам, что первое письменное упоминание «Газни» относится к событиям 683 г. н.э., когда жители города оказали упорное сопротивление арабским войскам. Однако поселения людей существовали здесь задолго до указанной даты. Как свидетельствует священная книга зороастрийцев «Авеста», эти места были заселены еще в первой половине 1-го тысячелетия до н.э. пришедшими из Средней Азии ираноязычными племенами. Тогда эта обширная область называлась Харахвати (по-гречески – Арахосия). В VI в. до н. э. она была на некоторое время захвачена мидянами. Позже по этим местам проходили войска ахеменидских царей Кира и Дария, Александра Македонского, саков, кушанов, эфталитов, Сасанидов, арабов, Чингисхана, Тимура и Тимуридов, Бабура и многих других завоевателей. При этом город нередко разрушался ими до основания. Газни был также известен и как крупный торговый центр, через который проходили одно из ответвлений Великого шелкового пути и караванная дорога из Индии.

Вплоть до VII в. н.э. Газни оставался одним из центров буддизма, немymi памятниками которого до сих пор являются развалины храма, расположенного вблизи города, на высоком холме, называемом ныне «Тепе-сардар».

Небывалый расцвет Газни был связан с приходом к власти в 60-х годах X в. тюркской по происхождению династии Газневидов и созданием обширного Газневидского государства, охватывавшего территорию современного Афганистана, восточный Иран и часть Средней Азии. При газневидских правителях, особенно при султane Махмуде, совершившем, как уже отмечалось, 17 военных походов в Индию и награбившем там огромные богатства, в столице Газни были возведены многочисленные дворцы, виллы, мечети, минареты, библиотеки, торговые ряды, крепостные сооружения. Город, по данным исторических источников, утопал в зелени садов и парков. Однако в 1151 году город был сожжен гуридским правителем Алауддином, а в 1221 году окончательно разрушен ордами Чингисхана. По свидетельству арабского путешественника Ибн-Батуты, посетившего Газни в 1334 г., на месте некогда огромного и процветавшего города находилась лишь маленькая деревушка, окруженная грудami развалин.

До настоящего времени из былого величия Газни дошло, к сожалению, весьма небольшое. Среди них достойны упоминания: цитадель, возвышающаяся над долиной р. Газни, два минарета, гробницы султана Махмуда, его отца Себук-Тегина и тимуридского правителя Абдурраззака (XVI в.) и ряд других достопримечательностей. Большинство из них расположено в 5-7 километрах от города, вблизи деревни Рауза, где, по словам местных жителей, сосредоточены 99 почитаемых ими святынь. Гробница султана Махмуда, вопреки нашим ожиданиям, оказалась довольно скромным сооружением с надгробием из черного мрамора, обнесенным массивной цепью. Иное впечатление произвели на нас минареты, находящиеся в 3 км от центра города. Они изумили и очаровали нас своей оригинальной орнаментальной каменной кладкой по всей высоте и эпиграфическими текстами на их вершине, написанными каллиграфией «куфи» и «наси»

... По пути в Кабул, не доезжая нескольких километров до Майданшахра (ныне административный центр провинции Вардак), наша колонна неожиданно остановилась у небольшой скалы, примыкающей к дороге слева. А.Рокай первым вышел из машины и жестом руки пригласил всех спутников к груде камней у подножия скалы. Тут же появились несколько термосов разных размеров, включая и большие, армейские, а также картонные коробки с провизией и столовыми приборами. Кто-то из афганцев доверительно сообщил нам, что в нашу честь А.Рокай, как начальник отдела внешних сношений Министерства национальной обороны Афганистана, дает «полевой прием-ланч». Нельзя было не заметить, что для ланча, тем более «полевого», обилие блюд и закусок было явно за пределами. В их числе, помнится, оказались горячие шашлыки и кебабы, приготовленные заранее еще в Газни, разного рода закуски, в основном консервированные мясные и рыбные продукты западного производства, сладости, фрукты, кофе, чай и многое другое.

А.Рокай, как истый мизбан, свою роль исполнил с завидным мастерством. Со свойственными ему юмором, тактом и незаурядной эрудицией, он не допускал в ходе трапезы возникновения утомительных пауз молчания, заполняя их рассказами былей и небылиц, притчей и анекдотов, в том числе политического и житейского характера, которых он знал великое множество. При этом, замечу, все они были оригинальными по своему содержанию, обладали глубоким смыслом и, что главное, никогда не выходили за рамки пристойности, хотя и рассказывались в сугубо мужском коллективе. Примером этому мог бы, пожалуй, служить следующий, так сказать, «исторический» анекдот, рассказанный им на данном пикнике:

«В конце XIX в. глава английской дипломатической миссии в Пекине пригласил к себе на прием молодого китайского императора и решил удивить его грациозностью и изяществом западных бальных танцев. Когда они были в полном разгаре, английский дипломат, показав рукой на танцующих и надеясь услышать от императорской особы восторженный отзыв, спросил:

– *Ваше Величество, как Вы находите наши танцы?*

Император, бросив беглый взгляд на пары мужчин и женщин, кружившихся в обнимку, в такт музыке, с иронией заметил:

– *Странные вы там, на Западе, люди. То, что у нас делается за закрытыми дверями, вдали от посторонних глаз, вы почему-то обязательно превращаете все это в постыдный публичный спектакль.*

Прекрасно отдохнув на природе и искренне поблагодарив мизбана за незабываемый «полевой прием», мы продолжили путь и через час уже были в столице.

Пактия, Хост

Несколько дней ушло на осмысление и обобщение всего увиденного на юго-западе Афганистана. Следующая поездка, как и предусматривалось ранее, состоялась в Пактию, лежащую к югу от Кабула и представляющую собой самобытную во всех отношениях провинцию.

В соответствии со сложившейся традицией, у генерал-губернатора данной провинции было две резиденции: летняя – в Гардезе, а зимняя – в Хосте (Матуне). Хост, расположенный на высоте 1146 м над уровнем моря и где средняя температура января и июля составляла соответственно + 5°C и + 27°C, а количество осадков с февраля по сентябрь достигало 400 мм (из 446 мм годовых), т.е. наивысших отметок среди всех южных и юго-западных районов страны, долгое время пользовался в Афганистане недоброй славой морозной малярийной зоны. По рассказам афганских военных, при монархическом режиме из военнотружущих трех полков, отправлявшихся сюда из Гардеза на зимнюю стоянку, возвращались обратно здоровыми лишь две трети. Значительная часть заболевших малярией погибала. Видимо, по этой причине Хост при монархии был избран местом ссылки для всех опасных режиму элементов.

На сей раз наш путь на юг Афганистана пролегал через довольно живописную долину Логара. Миновав по наезженной, но изрядно разбитой дороге Чарасьяб, Шекаркале, Баракибарак и ряд других населенных пунктов и преодолев с немалым трудом крутые подъемы перевала Тира, наша колонна армейских ГАЗ-69 поднялась на плато, на котором лежал Гардез, административный центр провинции Пактия. В гарнизоне 12-й пехотной дивизии у нас состоялась кратковременная беседа с рядом представителей местной (городской и провинциальной) власти, среди которых было немало военных – младших и старших офицеров. Оказалось, что многие из них, оставаясь в кадрах вооруженных сил, занимали те или иные посты в гражданской администрации города, провинции и ее уездов. Такая система власти уже давно стала традиционной в Южной (Пактийской) провинции в связи с постоянно сохраняющейся здесь неспокойной внутривластной и межплеменной ситуацией. Невольно вспомнились слова Ф.Энгельса, написанные им еще в 1857 году о том, что для афганцев (пуштунов) всегда были характерными «их неукротимая ненависть к центральной власти и любовь к личной независимости» и что в связи с этим «власть короля над его отважными и беспокойными подданными носит личный и чрезвычайно неустойчивый характер».

Хотя с тех пор, когда были сказаны эти слова, прошло более 100 лет, однако положение на юге Афганистана и в 60-х годах XX в. по-прежнему оставалось неспокойным и взрывоопасным. Так что сохранявшаяся в Пактии (как, впрочем, и в Кандагаре и Нангархаре) военная форма власти и управления была вполне оправданной и необходимой мерой, обеспечивавшей относительную лояльность племен к центральному правительству, мир, порядок и безопасность в регионе.

Сказанное выше нашло свое наглядное подтверждение уже при нашем выезде из Гардеза: к нам была приставлена внушительная охрана в составе примерно тридцати солдат, экипированных по-полевому, с легким стрелковым оружием в руках и размещенных на двух большегрузных автомобилях, из которых один двигался впереди колонны, а другой – в ее хвосте.

Как нам стало известно, из провинциального центра в Хост можно было попасть по суше двумя путями – северным и южным. Наши хозяева в данном случае избрали северный путь через Ладжа, Чамкани и Джанихель. Дорога на этом направлении оказалась довольно разбитой, а местами даже труднопроходимой для автомобильного транспорта. Примерно через полтора-два часа пути мы въехали в лесистую зону, покрытую преимущественно хвойными деревьями. В Джанихеле, утопавшем в зелени вековых сосен и гималайских кедров, нас ждал обильный обед, после которого наша колонна поднялась на лежащий невдалеке небольшой перевал. С его высоты перед нами открылась обширная Хостинская котловина, окаймленная со всех сторон горными хребтами. Внутри нее отчетливо выделялись зеленые оазисы с деревенскими постройками, отдельно стоявшие деревья, а в одном месте, вблизи небольшого песчаного массива красовалась финиковая роща.

Без особых трудностей спустившись в долину Хоста и проехав несколько десятков километров, мы прибыли в город и после размещения и краткого отдыха в недавно построенном и еще не до конца меблированном губернаторском гостевом доме нанесли ви-

зит генерал-губернатору и командующему войсками Южной провинции, генерал-полковнику Файз Мухаммаду. Он встретил нас в своей резиденции с подчеркнутым радушием и после стандартных в таких случаях вопросов о здоровье и самочувствии и принятого на Востоке обязательного чаепития с разговором на отвлеченные темы кратко ознакомил нас с ситуацией в провинции и на границе с Пакистаном. Генерал не скрывал, что ему, как главе провинции, приходится чуть ли не каждый день улаживать возникающие тут и там внутри- и межплеменные проблемы, иногда крайне острые, с применением оружия. Непростое положение в межплеменных отношениях, как он отметил, часто усугубляется вмешательством соплеменников-пуштунов с территории Пакистана, а также и спецслужб этой страны.

Еще до приезда в Хост мы знали, что Файз Мухаммад, пуштун из племени джадран, считался в Афганистане почти легендарной личностью. Он родился в 1904 году в Колангаре (провинция Логар). Его отец Хаджи Наваб-хан был главой этой провинции. В 1929 году, во время антиамануллистского мятежа, Файз Мухаммад сначала поддержал его главаря по имени Бачаи Сакао (называвшего себя после захвата власти эмиром Хабибуллой Калакани), но затем вместе с ополчением из племени джадран перешел на сторону Надир-хана (будущего короля Афганистана) и принял активное участие в освобождении Кабула от мятежников. За эти подвиги Надир-шах удостоил его почетного звания племенного генерала. В начале 1930 г. Файз Мухаммад был назначен губернатором Бадахшана. В 1931 г. он принял активное участие в подавлении антиправительственного бунта в Кухдамане, за что ему было присвоено армейское воинское звание полковника. Он становится военным адъютантом короля. В следующем году Файз Мухаммад непосредственным участием в разгроме на севере страны банд Ибрагим-бека, лидера басмачей, снова подтверждает свою верноподданность монархии. Он удостоивается звания генерал-майора и назначается командиром дивизии в Бадахшане. С 1932 по 1942 г. занимает посты военного адъютанта короля (дважды), командира 1 и 2-й дивизий в Пактии, командира дивизии на севере страны. В 1944 г. ему присваивается воинское звание генерал-лейтенанта. В 1947 г. он в четвертый раз становится военным адъютантом короля, а шесть лет спустя назначается генерал-губернатором и командующим войсками Южной провинции. С 1960 г. – генерал-полковник. За время военной службы Файз Мухаммад был удостоен 11-ти правительственных наград, в том числе двух высших орденов королевского Афганистана – «Сардар-е али» и «Сардар-е ала». Умер 1 июня 1964 г. в Мюнхене (ФРГ), куда выехал на лечение.

... Вечером того же дня Файз Мухаммад устроил для афганских и советских гостей дружеский ужин. При близком знакомстве он показался нам очень болезненным человеком и гораздо старше своих еще не полных 60 лет. Уже в начале разговора генерал сообщил нам, что только накануне нашего приезда он возвратился из Советского Союза, где проходил медицинское обследование, лечение и отдых. Он с восторгом отозвался обо всем увиденном в нашей стране и особенно о заботливом и сердечном отношении к нему со стороны лечащего и обслуживающего персонала больницы и военного санатория. Отвечая на вопрос, понравилась ли ему русская национальная кухня, Файз Мухаммад среди многих восхитивших его блюд особо выделил, как он сказал, «хлебную воду» (на языке дари – «аб-е нан»). При уточнении оказалось, что это был знаменитый русский квас.

Впрочем, зашел разговор и о нашей поездке по юго-западным районам Афганистана. Генерала особенно интересовали наши впечатления о тех краях и проявленном к нам гостеприимстве. Удовлетворив его любопытство, мы не преминули поведать ему о нашей неудачной рыбалке у плотины Дахла. Посмеявшись над нашим рыбацким невезеньем, Файз Мухаммад полусерьезно заметил:

- *У нас такой досадный случай исключен.*
- *А что у вас здесь есть водоемы и реки, где водится рыба? – удивились мы, полагая, и не без оснований, что их не может быть в маловодной Хостинской котловине.*

- *Давайте, господа, немного подождем, – ушел он от ответа, и после паузы добавил, – впрочем, выезжая завтра на рекогносцировку местности, не забудьте прихватить с собой рыболовные снасти.*

После ужина Файз Мухаммад предложил нам сыграть в домино, чему его научили советские коллеги-военные в санатории. Уже в начале игры выяснилось, что генерал из-за старческой катаракты с трудом различает белые точки на шашечках домино. Да и какого-то опыта «забивать козла» у него не было. Поэтому кто-то из нас начал участливо помогать ему. Более того, чтобы не огорчать гостеприимного хозяина проигрышем, мы тайно и явно подыгрывали ему, доводя партию, как правило, до победного финала, чему он нескладно радовался.

Утром следующего дня мы отправились к границе. Нас снова сопровождала усиленная охрана. Проехав с десятков километров по грунтовой дороге, наша колонна въехала в небольшой населенный пункт. И тут произошло самое неожиданное. Не успели мы повернуть на соседнюю улицу, как перед нами неожиданно возникла большая толпа вооруженных и чем-то возбужденных людей. Началась беспорядочная стрельба, сопровождавшаяся шумом, гамом, криками, каким-то странным барабанным боем и нестройными звуками музыки. В первые мгновения нам на ум сразу же пришли слова губернатора о неспокойном положении в провинции и подумалось, что мы вот так нежданно-негаданно попали в очередные вооруженные межплеменные разборки.

Не успели мы прийти в себя, как к нам подбежал офицер охраны и попросил выйти из машин. Сделав это и присмотревшись к толпе, мы увидели не жаждавших крови, а веселившихся людей и вдруг поняли, что перед нами разыгрывается какой-то спектакль. Тут наше внимание привлек к себе юноша-всадник, гарцевавший на лошади серой масти в яблоках, которая в испуге от нескончаемых выстрелов, барабанного боя и криков беспокойно кружилась на месте в окружении толпы, время от времени вставая на дыбы. Все еще не понимая подлинных причин этого веселья, мы заметили на крупе лошади, за спиной всадника, какой-то необычный предмет прикрытый светлозеленым плиссированным шелковым полотнищем.

Из состояния загадочности и неведения нас вывел подошедший А.Рокай. Он пояснил, что перед нами происходит пуштунская свадьба, а точнее та ее часть, когда жених верхом на лошади увозит невесту из дома ее отца к своему родному очагу. К нашему изумлению, то, что мы первоначально приняли за некий «предмет», была невеста, укутанная, в соответствии с исламской традицией, в праздничную чадру. Невольно возникла жалость к хрупкой девушке, видимо, испытывавшей немалые страхи упасть с метавшейся из стороны в сторону резвой лошади.

Покинув деревню, мы наконец-то добрались до афганской пограничной заставы. Следует заметить, что, по афганскому законодательству того времени, охрана государственной границы возлагалась на жандармские войска, входившие организационно в состав министерства внутренних дел. Однако такого рода заставы на границе были редким явлением и располагались, как правило, только на основных транспортных магистралях, связывавших Афганистан с соседними странами. Как нам рассказал начальник указанной заставы, в его обязанности входил лишь контроль за передвижением людей и транспортных средств по единственной дороге, пролежавшей через узкую межгорную долину. Охрана же остальных участков границы к северу и югу от заставы традиционно поручалась приграничным пуштунским племенам. Да и граница, как таковая в нашем понимании, отсутствовала, поскольку на местности она не была обозначена демаркационными знаками. В подобной ситуации у нас не было полной уверенности, что, разъезжая туда-сюда вдоль предполагаемой границы, мы без всякого злого умысла не нарушали ее.

При возвращении в Хост нас завезли на загородную дачу губернатора, расположенную внутри огромного цитрусового сада. У въезда в сад нас встретил человек, назвавшийся главным садовником, и попросил взять с собой рыболовные снасти и следовать за ним. В глубине сада он подвел нас к облицованной красным кирпичом траншее размером примерно метр на полтора, заполненной доверху водой, в которой, как в садке, плавали

до сотни карпов, каждый весом до килограмма. Чуть поодаль находился неглубокий бассейн диаметром примерно в 5-6 метров, в чистой, прозрачной воде которого металась из края в край несколько пугливых маринков. Садовник, показав рукой на эти два рыбных объекта, не то серьезно, не то с издевкой коротко сказал:

– *Удачи вам, господа!*

Однако ловить уже пойманную рыбу, да еще и в садке, показалось нам, заядлым рыбакам-любителям, чем-то за пределами здравого смысла. Поэтому немного побродив вокруг садка и бассейна и полюбовавшись на диких карпов для этих мест карпов, мы вежливо отказались от предложенного занятия, сославшись на позднее время и усталость от поездки. Вместе с тем подумалось: как бы это ни оценивать, генерал все же сдержал свое слово относительно богатой рыбалки. Для нас же осталось гадать, как и откуда карпы попали в Хост, где, по нашим сведениям, никогда не было ни больших водоемов, ни рыбо-разводных хозяйств.

В разговоре на обеде Файз Мухаммад, как, впрочем, и мы, ни словом не обмолвились по поводу несостоявшейся рыбалки. Правда, в числе поданных на обед разнообразных блюд афганской кухни были и жареные карпы с неизменным к рыбе гранатовым соком.

По решению сопровождавших нас афганских друзей, в столицу мы возвращались по другому, южному, пути, пролежавшему через глубокое и довольно узкое ущелье и перевал Сете-Кандау. Отъехав от Хоста несколько десятков километров, мы встретили на безлюдной дороге одинокого, преклонных лет пуштуна. На плече он нес тяжеленное, богато инкрустированное перламутром и серебром дульнозарядное ружье. В ответ на наше предложение подвести его, старик охотно согласился и сел рядом с нами на заднее сиденье машины. Естественно, наше внимание привлекло его необыкновенное ружье, производства, вероятнее всего, XIX в. Рассматривая этот раритет и рассуждая о его достоинствах, мы выяснили, что у его владельца нет к нему (и уже давно) ни одного заряда. Тут один из нас задал необдуманый, и как потом выяснилось, весьма бестактный вопрос:

– *Тогда зачем же ружье нужно?*

Услышав это, старик был явно оскорблен. Гордо расправив плечи, он с достоинством и сдержанной вежливостью, присущей, пожалуй, только пожилым людям, ответил:

– *А разве я не мужчина?!*

В соответствии с неписанным кодексом чести и достоинства пуштунов, ношение оружия мужчиной считается такой же обязательной нормой, как ношение традиционной национальной одежды. Оружие для пуштунов – обязательный атрибут внешнего облика мужчины, олицетворение его мужества и национального достоинства.

...Нам, посрамленным незнанием местных обычаев и традиций, пришлось принести гордому пуштуну искренние извинения за невольно нанесенную обиду.

Оставив позади ущелье, наша колонна начала подниматься по протяженному серпантину на перевал Сете-Кандау, лежащий на высоте почти 4000 м над уровнем моря. Моторы наших вездеходов-газиков еле тянули из-за разреженного воздуха. С немалым трудом машины поднялись на вершину перевала. При этом моторы настолько перегрелись, что наше дальнейшее движение стало уже невозможным. Мы вынуждены были остановиться. Когда мы вышли из машин, перед нашим взором предстала удивительно красивая панорама лесистых восточных склонов Сете-Кандау, лежащего внизу серпантинной дороги, а на западе – слабо различимая в дымке безлесная Гардеская долина.

На такой высоте дышалось с трудом: не хватало кислорода. Наши заядлые курильщики, повинувшись дурной привычке, достали сигареты. Но уже после первой затяжки они начали надрывно кашлять и задыхаться. Наши сопровождающие, видимо, заранее предвидели, что в условиях высокогорья могут возникнуть подобные ситуации. Немедленно принесли апельсины и мандарины, прихваченные еще в Хосте. К нашему удивлению, уже после первых проглоченных долек цитрусовых мы почувствовали заметное облегчение в дыхании.

Немного отдохнув и обменявшись мнениями о красотах Сете-Кандау, мы спустились

в долину и, объехав стороной Гардез, по уже знакомой дороге через перевал Тира и долину Логара к вечеру благополучно добрались до Кабула. Так завершилась наша вторая поездка вдоль афгано-пакистанской границы.

Нангархар, Нуристан

За Пактией последовала продолжительная, занявшая почти неделю поездка на восток Афганистана, в провинцию Нангархар и Нуристан. Почти половину пути до Джалалабада (административного центра этой провинции) мы проделали по старой Джалалабадской дороге через Баграми, Бутхак и перевал Латабанд. Эта дорога на протяжении веков была свидетелем многих исторических событий. По ней почти 23 века назад проходили войска Александра Македонского, совершавшие завоевательный поход в Индию. Именно по ней, как нам с гордостью поведали афганские военные, в январе 1842 г. из восставшего Кабула бесславно отступал корпус английских захватчиков во главе с генералом Эльфинстоном. Судьба их была трагической: под постоянным огнем и ударами афганских ополченцев до Джалалабада, где стоял британский гарнизон, из 4500 английских солдат и офицеров добрался лишь единственный оставшийся в живых доктор Брайдон.

После нелегкого спуска по извилистой дороге с перевала Латабанд в низину Сароби нас завезли в уютный ресторанчик, расположенный среди небольшого парка, на высоком, почти отвесном берегу водохранилища ГЭС Сароби. Немного отдохнув за чашкой чая в компании уездного начальства, мы продолжили путь уже по новой дороге с твердым покрытием, сооруженной афганцами (чем они, не скрывая, гордились) без иностранной помощи и на собственные средства. Как только наша колонна машин выехала за пределы плотины водохранилища и ущелья Танге-Абришом (Шелкового ущелья), перед нами открылся совершенно новый, по сравнению с заснеженной в то время Кабульской долиной, летний пейзаж: лежавшая слева от дороги широкая пойма реки Кабул утопала в зарослях камыша; поодаль на фоне небольшой возвышенности выделялась своей экзотичностью роща финиковых пальм (позже, с завершением строительства плотины Дарунта, она оказалась под водой образовавшегося здесь водохранилища); по обеим сторонам шоссе тянулись вечнозеленые, сероватые от дорожной пыли заросли гяза. Ощущалось дуновение по-летнему теплого ветерка. Эту идиллическую картину дополняли мелкие, ухоженные крестьянами поля, в основном рисовые чеки, разбросанные вдоль и поперек по низине, а на обочине дороги – небольшие чайханы, где любой путник мог утолить жажду ароматным чаем или же отведать порцию-другую плова.

Окончательное осознание того, что мы попали в вечные субтропики, пришло к нам при въезде в обширную Джалалабадскую долину. Первым свидетельством этого явилась большая плантация сахарного тростника, растянувшаяся вдоль берега речушки Сурхаб, на западной окраине Джалалабада. Весь город напоминал сплошной сад, среди которого, кроме плодовых деревьев, выделялись высоченные эвкалипты, стрельчатые тополя, кипарисы, акации, олеандр, магнолии и другие южные экзотические деревья. Кругом, куда ни посмотришь, полыхали яркими соцветиями розы, нарциссы, хризантемы, канны, пионы, гладиолусы и масса других цветов. В окружении всего этого великолепия, за высокими каменными заборами, наряду с традиционными восточными постройками, возвышались роскошные, современного типа дворцы и виллы знати, в основном, как нам рассказывали, кабульской, которая с незапамятных времен предпочитала проводить зимнее время в данном райском уголке. При всем при этом нельзя было не ощутить и дуновение теплого влажного воздуха, приходящего сюда, в Джалалабадскую долину, со стороны Индийского океана.

Нашим пристанищем в Джалалабаде была выбрана армейская гостиница в гарнизоне II-й пехотной дивизии. У входа в военный городок нас встретили ее командир и офицеры его штаба. После знакомства с ними и обеда мы отправились на восток, в направлении афганского пограничного пункта Торхам. Как уже повелось знакомить нас по пути с историческими достопримечательностями Афганистана, афганские друзья показали нам

расположенное в 8 км от Джалалабада древнее городище Хадда – памятник буддийской культуры 2-3 вв. По преданию, в одном из его храмов в свое время хранился череп Будды («хадда» в переводе с санскрита означает «кость»).

Через несколько десятков километров пути перед нами предстала еще одна, на сей раз природная, достопримечательность – Малый Хайбер. Он представлял собой узкий проход между двумя довольно высокими и совершенно отвесными скалами, через который пролегла асфальтированная дорога Джалалабад-Пешавар. Как гласит легенда, Малый Хайбер – творение рук Александра Македонского. Он будто бы, не найдя другого пути в Индию, разрубил своим мечом оказавшиеся перед ним неприступные скалы и открыл таким образом дорогу греко-македонским войскам в заветные края.

Прибыв к границе, мы обнаружили, что большой Хайберский проход совершенно не похож на своего младшего собрата. Протянувшийся на 53 км в глубь территории Пакистана, он представлял собой широкое ущелье с пологими склонами, по которым вплоть до афганской границы протянулись две дороги: шоссейная и железная. Над ними, чуть выше, в сторону Афганистана злобеще смотрели черные глазницы щелей железобетонных оборонительных сооружений (ДОТов), возведенных еще английскими колонизаторами.

В Торхаме, расположенном у самого входа в ущелье, все говорило о межгосударственной границе: главная дорога была перекрыта массивной цепью, наподобие той, что мы ранее видели в Спинбульдаке; на обочине дороги возвышалась многоэтажная каменная сторожевая башня; по обе стороны границы стояла вооруженная охрана; тут и там сновали пограничные госчиновники в униформе. Все прилегающие к погранзаставе улочки были забиты большими грузовиками с высокими наращёнными бортами, богато разрисованными лубочными картинками разного рода цветов, хищных зверей и птиц и украшенными выразительными надписями, в том числе и коранического содержания. На машинах, доверху загруженных рулонами, ящиками и тюками с товаром, еще умудрялись найти место и сидеть до десятка пассажиров со своим нехитрым скарбом.

Кругом шумел бойкий восточный базар с неизменными для него самоварами, жаровнями, мангалами, массивными чугунными котлами, расставленными прямо на тротуаре, около примитивных харчевен, высокопарно называвших себя на витринах «ресторанами». От них исходили будоражащие аппетит запахи кебабов, шашлыков, плова и прочих восточных яств.

Когда мы вместе с местным пограничным начальством поднялись на верхнюю площадку сторожевой батани, наше внимание привлекла большая группа людей и вьючных животных, спускавшихся по склону горной гряды метрах в 500-600 от заставы. Пограничный начальник, отвечая на вопрос, что это за люди, равнодушно пояснил:

- *А кто их знает: может быть, кочевники, но не исключено, что и контрабандисты из числа местных племен, традиционно занимающихся этим промыслом? Хотя, если говорить откровенно, никакой разницы между ними нет. С точки зрения закона и те, и другие занимаются несправедным делом. Однако у нас, к сожалению, нет ни сил, ни средств, чтобы перекрыть все тропы через горы и поставить заслон на пути контрабанды и нарушителей границы.*

С этим утверждением афганского офицера нельзя было не согласиться. Правде, он умолчал о том, что пограничный контроль на афганской стороне был осложнен еще одним обстоятельством. Дело в том, что все кочевники, как, впрочем, и местные сельские жители, переходившие границу, не имели ни паспортов, ни других документов, удостоверяющих личность.

Неизгладимое впечатление произвел на нас Нуристан. Этот высокогорный край примечателен не только своей уникальной древней историей, общественным устройством, менталитетом и бытом живущих здесь племен, но и красочной природой. Побывав здесь, начинаешь верить в претенциозное утверждение афганцев, что их страна – это «азиатская Швейцария». Действительно, в Нуристане внешне есть все или почти все, что у нас ассо-

цируется при слове «Швейцария»: высокие, изрезанные ущельями и долинами скалистые горы, неизменные в любое время года снежные шапки вершин на фоне удивительно голубого неба, бурлящие потоки порожистых, с многочисленными водопадами рек и речушек, вечнозеленый покров склонов гор, простирающийся до самых их вершин. Среди распространенных в Нуристане деревьев преобладают гималайские кедры, ели, арча (древовидный можжевельник), вечнозеленые дубы. Богата и фауна Нуристана, где до сих пор сохранились дикие козлы, медведи, рыси, куницы, леопарды, обезьяны, гималайские улары (горные индейки), кеклики и др.

По этнической принадлежности нуристанцы, говорящие на языках кати, ашкун, вайгали и прасун, относятся к дардским (индоарийским) народам. Их предки (арии) еще во 2-м тысячелетии до н. э. проникли в данный район и поселились здесь. До 1896 г. он назывался Кафиристаном (Страной неверных). После же его завоевания кабульским эмиром Абдуррахманом он получил название Нуристан (Страна света, т.е. «света ислама». – М.С.). Однако нуристанцы, приняв ислам, сохранили многие прежние верования, обычаи и традиции, свою культуру.

Характерной особенностью общественного устройства нуристанцев является их самоуправляемая родо-племенная организация. Ее основу составляют советы старейшин – джасты, избираемые демократическим путем по одному представителю от каждого населенного пункта. Из их числа избирается глава совета – верховный джаст («увар джаст»). В соответствии с традицией, он должен отвечать следующим требованиям: быть уважаемым в общине, преданным ей, порядочным, честным и мужественным человеком. Кроме того, чтобы быть окончательно признанным в этом качестве, он обязан устроить для соплеменников «великое пиршество» («мальбар»), что, естественно, по карману только состоятельным людям. Лицо, получившее титул джаста, наделяется правом сидеть на особом рода табурете (поэтому мальбар иногда называют «пиром табурета»), получать на всех пиршествах при дележе мяса большую и лучшую долю, выступать во время танцев в первом ряду вместе с другими знатными людьми, но, главное, решать все внутренние проблемы общины (судебные, военные, административно-распорядительные и пр.) и осуществлять ее внешние связи.

Нуристанцы в своей повседневной жизни предпочитают руководствоваться неписаными нормами адата (обычного права), которые заметно отличаются от пуштунвали – кодекса чести и достоинства пуштунов. В частности, обычное право нуристанцев не приемлет характерный для пуштунов принцип талиона, т.е. адекватное наказание за преступления, унижения и оскорбления по норме «око за око», «зуб за зуб», «смерть за смерть». В нуристанской общине все совершенные каким-либо лицом проступки и преступления наказываются исключительно штрафом («нага»), размер которого зависит от их тяжести. К примеру, если кто-то совершит насилие над женщиной и ее муж за это деяние предъявит претензии к насильнику, то в этом случае последний обязан уплатить мужу калым в двойном размере (имеется в виду размер калыма, уплаченный ранее за эту женщину) и взять ее себе в жены.

Весьма гуманна у нуристанцев и плата за умышленное убийство. Если оно будет доказано, то виновник должен отдать семье убитого до 190 голов крупного рогатого скота в качестве «платы за кровь». В противном случае, он должен бежать из деревни и всю жизнь скрываться от наказания. Правда, в последнее время такого рода преступления чаще всего решаются через шариатский суд. Следует вместе с тем заметить, что у нуристанцев принято все более или менее серьезные дела рассматривать в соответствии с нормами адата на джирге (совте) соплеменников, обязательно в присутствии истца, ответчика и джаста.

Довольно оригинальна и одежда нуристанцев. Их мужчины от мала до велика носят, как они говорят, типично «арийские» головные уборы, сшитые из шерстяной ткани с завернутыми вверх полями. Женщины же, особенно в долине Печ, отдают предпочтение платью с короткими рукавами, отороченному, как правило, по краям красными кружевами, и юбке длиной ниже колена.

Основой хозяйственной деятельности нуристанцев являются оседлое скотоводство, земледелие и лесные промыслы. В их общине существует четкое разделение труда. Так, все сельскохозяйственные работы, включая и вспашку полей, выполняют женщины. В их обязанности входит также заготовка дров и ведение домашнего хозяйства. Уделом же мужчин является животноводство. Они содержат и пасут коров, овец и коз, доят их и обрабатывают молочные продукты. Иногда сельскохозяйственные работы, особенно уборку урожая, мужчины и женщины в порядке взаимопомощи выполняют совместно.

Итак, предвкушая увидеть своими глазами этот загадочный край, мы отправились в Нуристан. Наша колонна армейских газиков благополучно переправилась своим ходом через обмелевшее в это время года русло реки Кабул и спустя часа полтора прибыла в Асадабад, административный центр провинции Кунар. Как уже повелось, в резиденции губернатора состоялись краткая встреча и беседа с ее хозяином. Напутствуя нас перед отъездом, он пожелал нам доброго пути, удачи в нашем предприятии и незабываемых впечатлений от знакомства с Нуристаном.

Уже с первых километров продвижения по горной дороге, неумолимо поднимавшейся все выше и выше, наши ожидания чего-то нового начали подтверждаться. Прежде всего, нельзя было не ощутить разительные перемены природно-климатического характера, по сравнению с Джалалабадской долиной. Заметно похолодало. Кунарское ущелье становилось все уже и уже, а зеленое убранство из вековых, преимущественно хвойных деревьев на его крутых склонах – все роскошнее. Особенно обращали на себя внимание разбросанные у подножия горы тщательно ухоженные, готовые к посеву миниатюрные по размерам террасные поля. Любуясь этим сказочным пейзажем, мы и не заметили, как добрались до Барикота, довольно большого селения.

Местная гостиница, где нас разместили, не отличалась особым уютом и удобствами. Наш номер, если его можно так назвать, имел самый минимум мебели – железные (солдатские) кровати, стол и несколько стульев – и был рассчитан на 5-6 человек. Его неотъемлемым атрибутом в данное, зимнее, время года являлась печка-буржуйка. Поскольку она пылала жаром, подумалось, что нас здесь уже ждали. Мы немедля, чтобы согреться, расселись вокруг нее, предварительно сняв верхнюю одежду. С нами в компании оказался польский геолог, занимавшийся по заданию афганского министерства горных дел и промышленности поисками в Нуристане месторождений драгоценных и полудрагоценных камней. Ему, проводшему здесь несколько недель, было что нам рассказать. Улучив момент в ходе беседы, я подошел к окну, чтобы повнимательнее рассмотреть противоположный, лесистый склон ущелья, по гребню которого пролегала афгано-пакистанская граница, и лежащий у его подножия уездный центр Асмар со старой крепостью, где, как нам было известно, дислоцировался афганский пехотный батальон. Не успел я окинуть взглядом открывшуюся из окна картину, как ко мне подбежал истопник-пуштун и потянул меня за руку от окна:

- *Здесь нельзя стоять, опасно. У нас стреляют, – взволнованно сказал он и показал пальцем на пулевое отверстие в оконном стекле.*
- *Кто стреляет? – недоуменно спросил я.*
- *Наш хан воюет. Недавно его сестра, не спросив разрешения у родственников и нарушив законы адата, убежала к своему возлюбленному, парню из другого племени. Хан пообещал найти и убить ее вместе с тем парнем. Вчера вот и стреляли здесь, – махнул он в сторону окна.*

Суть этого разговора я тотчас же передал своим коллегам, что, естественно, не могло не беспокоить их. Обсуждая сложившуюся ситуацию, все пришли к единодушному мнению, что подобный способ разрешения межплеменного конфликта не типичен для нуристанцев, но весьма свойственен пуштунам, численность которых в провинции Кунар достигает 80 процентов.

В тот момент, когда собравшаяся вокруг печки компания строила догадки о том, чем может все это кончиться для влюбленных, двустворчатая дверь номера вдруг с шумом

растворилась и в комнату ввалилась группа вооруженных людей. Впереди них выступал резкий в движениях, крепкого телосложения мужчина лет 35-40, опоясанный патронными лентами, с карабином в правой руке. Истопник подскочил ко мне и шепнул:

- *Это – наш хан.*
- *Салам алейком, господа, – улыбаясь, громко произнес он. – Я очень рад видеть вас, советских друзей, в нашем краю. Будьте моими гостями. Я жду вас у себя дома в семь вечера.*

Хан, не спрашивая нашего согласия, повернулся к поляку, фамильярно похлопал его по плечу и, загадочно подмигнув ему, сказал:

- *И ты, мой друг, тоже приходи. Так что, господа, – уже обращаясь к нам, – жду вас к себе в гости. Там поговорим. А сейчас у меня неотложные дела.*

С этими словами хан, сделав в нашу сторону легкий поклон головой, резко, по-военному повернулся и быстрым шагом вышел из комнаты, сопровождаемый его бравыми молодцами. Взволнованные от неожиданности данного визита и категоричности приглашения в гости, мы, оставшись наедине, некоторое время сидели молча, а потом, придя к себе и открыто порассуждав, пришли к выводу, что у нас нет другого выхода, как принять приглашение хана и готовиться разделить с ним трапезу. Благо до поездки к нему в нашем распоряжении было еще достаточно времени.

Перебирая детали случившегося, мы обратили внимание на элементы панибратства и таинственного дружелюбия, проявленных ханом по отношению к поляку. Последний охотно удовлетворил наше любопытство и рассказал довольно забавную историю своего первого знакомства с ханом. По его (поляка) словам, по прибытии в Барикот он на первых порах столкнулся с настороженным, а иногда даже и враждебным отношением к себе со стороны местных жителей. Совершаемые им рабочие выходы в горы и собираемые там образцы минералов вызывали у них подозрение в разграблении иностранцем их национальных богатств. Доходило порой до курьеза: приходилось открывать по их требованию рюкзак, показывать его содержимое и доказывать через сопровождавшего его переводчика, зачем ему (геологу) нужны эти камешки. Однако, как ему казалось, у местного населения веры в его благое занятие все же не было. Видимо, эта недобрая молва дошла и до хана. И вот в один из вечеров, когда бедолага-геолог после изнурительного лазания по горам добрался до отеля и прилег отдохнуть, к нему в номер пожаловал хан, предварительно прихватив с собой переводчика. Увидев крепко спящего иностранца, хан подошел к кровати, немного наклонился над ним и стал пристально рассматривать его лицо.

И надо же было так случиться, что именно в тот момент наш рассказчик открыл глаза и, увидев странную бороду и направленные на него орлиные глаза, сорвался с кровати и с истошным криком «а-а-а!» ринулся в угол комнаты, дрожа всем телом. От неожиданности отпрянул назад и хан. На мгновение оба застыли в напряженной позе. Первым опомнился хан. Поняв в чем дело, он громко расхохотался. Постепенно начал приходить в себя и геолог.

- *Ты, уважаемый, откуда? – участливо спросил хан.*

Поляк сбивчиво стал объяснять, кто он, откуда и зачем прибыл сюда. После этого случая, заметил наш собеседник из Польши, отношение к нему, в округе резко изменилось. Местные жители, где бы он ни появлялся, приветливо встречали его и старались помочь ему всем, что могли.

... Вечером за нами заехал А.Рокай. И мы, прихватив с собой польского друга, направились к усадьбе хана, находившейся на окраине селения, у самого подножия горы, откуда открывался чудесный вид на Кунарское ущелье. Там уже собрались все афганские военные, сопровождавшие нас в поездке. Хан оказался чрезвычайно хлебосольным хозяином. Как и ранее, душой компании снова стал А.Рокай. Не отставал от него и хан. Среди прочих рассказанных последним былей и небылиц не была забыта и его первая курьезная встреча с польским геологом. Хан, по-дружески подтрунивая над ним, весьма красочно описал уже знакомую нам историю. Вместе с тем ни мы, гости, по соображениям деликатности, ни сам хозяин, ни единым словом не обмолвились об инциденте, свя-

занном о поступком его сестры. Дружеская вечеринка затянулась до поздней ночи.

Ранним утром следующего дня, выйдя из отеля, чтобы ехать дальше на север, вдоль афганской границы, мы увидели большую группу людей, одетых преимущественно в белые одежды (у мусульман белый цвет – цвет траура), с носилками посередине, молча поднимающихся на пригорок, в нашу сторону. Мелькнула мысль: значит, ночью снова стреляли и при этом не обошлось без жертв. Когда же колонна поравнялась с нами, стало ясно, что наши мрачные предположения были далеки от истины: на носилках сидел глубокий старец, укутанный в плед, с белой чалмой на голове.

- *Кто этот старичок и куда его несут?* – спросил я у стоявшего рядом шофера.
- *Это – отец здешнего хана. Он идет в гости к своему сыну.*

Мой вопрос и ответ шофера я дословно перевел своим коллегам. Немного поиронизировав по поводу слова «идет», мы сели в машины и отправились в путь. Через несколько километров перед нашим взором предстал примитивный канатный пешеходный мост, перекинутый над пропастью с одной стороны ущелья на другую на высоте примерно 100 метров. Еще через 40-50 километров закончилась грунтовая дорога, пригодная для движения автотранспорта. Дальше в горы можно было добраться только пешком или верхом на животных – мулах и лошадях. Наши машины остановились у самой границы с Пакистаном, у двух притоков, впадавших в р. Кунар: правого – Ландайсин, протекавшего по афганской территории, и левого – Читрал, находившегося, кроме устья, полностью в пределах Пакистана. Вода Ландайсина была кристально чистой, прозрачной и спокойной в его нижнем течении, так что брошенная нами монета легко просматривалась на глубине 3-4 метров. Вода же Читрал была крайне мутной и бурлящей, приносящей в р. Кунар солидную порцию ила и грязи.

Генерал Г.Фарук показал на р. Читрал и, намекая на далеко не нормальные межгосударственные афгано-пакистанские отношения, с юмором перефразировал известную крылатую фразу:

- *Как видите, господа, Пакистан и здесь мутит воду, чтобы полегче поймать рыбу.*

Там, на крайней точке нашей поездки по Нуристану, мы задержались недолго. При возвращении в Барикот нас ждал еще один сюрприз. На встречу с афганскими высокопоставленными военными чинами прибыли старейшины Нуристана (джасты). И, как оказалось, не с пустыми руками. В знак уважения к правящей династии они вручили А.Рокаю, члену королевской семьи, удивительную и редкую в тех местах птицу, подстреленную где-то высоко в горах. На местных языках она называется «морг-е зарин» («золотая птица»). Внешне она напоминает глухаря. Общий тон ее окраски черный с продольными оранжево-изумрудно-бирюзовыми перьями на маховой части крыла. Длина ее составляла до 60 см, а вес – примерно 3 кг. По рассказам афганцев, она обитает высоко в горах, на опушке лесов, примыкающих к полосе вечных снегов. С этим трофеем, из которого А.Рокай собирался сделать чучело и украсить им свой домашний кабинет, наша группа отправилась назад, в Джалалабад, а оттуда – в Кабул.

Для возвращения в столицу афганские коллеги выбрали старую, уже давно заброшенную дорогу через Нимлу (Мимлу), Гандомак, Джагдалак, перевал Латабанд и Бутхак. По существу, старой дороги уже не осталось и в помине. Во многих местах приходилось ехать по высохшим руслам многочисленных речушек, появляющихся здесь в период весенних дождей. Вдоль этой ныне забытой богом и людьми дороги находилось немало достопримечательностей, связанных с историей и героической борьбой Афганистана за независимость.

Одни из этих достопримечательностей – Нимла и Гандомак. В Нимле сохранился красивый дворец с примыкающими к нему бассейном, цветниками и рядами высоченных тополей и платанов. Именно здесь, на окраине упомянутых мест, в 1809 г. между войсками шаха Шуджи-уль-Мулька и его соперника на трон шаха Махмуда состоялось жестокое сражение, в котором Шуджа потерпел полное поражение и потерял значительную часть своей казны. Для этих мест памятны еще несколько событий XIX в. В октябре 1841 г.

английская бригада генерала Сейла, понесшая тяжелые потери в бою с ополченцами гильзаев, укрылась в Гандомаке, однако, не чувствуя себя в безопасности, вскоре бежала в Джалалабад под защиту находившейся там английской крепости. Спустя 38 лет, в ходе второй англо-афганской войны, Гандомак снова вошел в историю в связи с подписанием здесь между афганским эмиром Якуб-ханом и английским уполномоченным, майором Луи Каваньяри кабального для Афганистана мирного договора, по которому страна фактически потеряла независимость и ряд земель на востоке. Однако в конце того же 1879 г. под влиянием массовых народных выступлений эмир был низложен и, получив политическое убежище, вместе с семьей выехал в Британскую Индию, где и умер в 1925 г. Тем не менее англичане путем подкупов, шантажа и давления заставили последующих эмиров – Абдуррахмана и Хабибуллу – оставить в силе некоторые положения Гандомакского договора.

Северо-восток Афганистана

Запомнилась и четвертая поездка, на сей раз по северо-восточным, пограничным с СССР, афганским провинциям Кундуз, Тахар и Бадахшан. Кроме названных выше лиц, в состав нашей группы вошел также генерал-лейтенант, начальник инженерного управления министерства национальной обороны Афганистана.

На окраине столицы, проехав мимо распложенного на высоком холме слева от дороги дворца Баги-Бала, служившего в прошлом для кабульских эмиров загородным охотничьим домиком, и раскинувшейся справа заболоченной низины, обычно заполняемой талой водой в весеннее время, а затем, преодолев перевал Хайр-хана, мы въехали в долину Кухдамана, отделенную от котловины Кабула невысоким горным хребтом. Долина Кухдамана и разбросанные на десятки километров у южных подножий Гиндукуша зеленые оазисы Карезимира, Исталифа и Шакардара всегда славились своими виноградниками и садами плодово-ягодных культур и как излюбленное место отдыха кабульцев и иностранцев. В Карезимире, на что нельзя было не обратить внимание, своим необычным видом выделялась королевская животноводческая ферма, построенная в типично немецком стиле с островерхими башнями и коровниками под красной черепичной крышей, оранжереями и строго спланированным парком вокруг.

Далее наш путь лежал через Чарикар, город афганских ремесленников, прославивших свое имя изготовлением ножей всевозможных видов и размеров, и Джабаль-ус-Сирадж, расположенный у самого входа в ущелье Саланг. Согласно легенде, Александр Македонский, подойдя со своим войском к южным отрогам Гиндукуша, построил здесь большую крепость, назвав ее Александрией Кавказской (греки называли Гиндукуш Кавказом). В наше время Джабаль-ус-Сирадж получил известность промышленного центра, в котором располагались и действовали цементный завод, текстильная фабрика и электростанция. С лета 1958 г. в нем находились контора управления по строительству дороги через Гиндукуш и жилой городок советских специалистов.

К моменту нашего приезда тоннель под Гиндукушем еще не был пробит, однако уже была введена в действие (с августа 1960 г.) вспомогательная дорога от Джабаль-ус-Сираджа, через перевал Саланг до пункта Дошах. По ней мы довольно легко (благо погода благоприятствовала этому) преодолели перевал Саланг, лежащий на высоте 3800 м над уровнем моря, и оказались в межгорной долине Доши, на северной стороне Гиндукуша. Проехав еще несколько десятком километров по недавно построенному участку шоссе, мы достигли селения Доши. Здесь заканчивался асфальт. От Доши вели две проселочные дороги: одна – на север, в сторону Пули-Хумри, Баглана и Кундуза, а другая – на запад, в долину Каяна, где находилась большая усадьба-резиденция главы секты афганских исмаилитов Сеида Надера Шаха, более известного в стране под именем Сеида Каяна.

Секта исмаилитов Афганистана является, пожалуй, самой многочисленной на всем Среднем и Ближнем Востоке и насчитывает, по приблизительным подсчетам, более 1 млн. человек. Сектанты в прямом смысле боготворили Сеида Каяна. Его широкая попу-

лярность, как думается, объяснялась не только его положением как главы секты, но и личностными качествами: высокой образованностью, талантом поэта и, безусловно, подчеркнутой независимостью от властей всех уровней, за что последние его не любили и боялись. Видимо, в отместку за это непочитание властей он был в конце 60-х гг. XX в. посажен под домашний арест на своей кабульской вилле по обвинению в причастности к гибели нескольких юношей-сектантов, якобы усомнившихся в правоте норм и традиций секты и не подчинившихся воле своего вождя. Впрочем, следствию вплоть до смерти Сеида Каяна в 1971 г. в возрасте 80 лет так и не удалось доказать ату версию. Сеид Каян был похоронен в долине Каяна.

По свидетельству достоверных источников, король Захир-шах неоднократно пытался установить контакты с непокорным вождем исмаилитов. Так, согласно одной широко распространенной в Афганистане легенде, король однажды, проезжая через Доши, решил завернуть в долину Каяна, чтобы встретиться и побеседовать с влиятельным хозяином этих мест. Когда же монарший кортеж подъехал к усадьбе Сеида Каяна, Захир-шах к своему немалому удивлению увидел над ее массивными воротами вызывающе дерзкую надпись, гласящую (в переводе с дари): «Здесь даже архангел Джабраил (библейский Гавриил. – М.С.) не имеет права летать!» Обескураженному монарху ничего не оставалось, как отказаться от своей затеи и молча повернуть обратно.

Забегая вперед, замечу, что спустя примерно 20 лет (в конце 80-х гг. XX в.) автору этих строк выпал приятный случай близко познакомиться с сыном Сеида Каяна – Сеидом Саади Надери, бывшим в то время заместителем председателя Центрального совета Национального фронта, массовой общественно-политической организации Республики Афганистан. По рассказам Сеида Саади, его отец, будучи большим знатоком и истинным поклонником средневековой персидской поэзии, не преминул назвать своего младшего сына именем классика персидской литературы. По настоянию отца Сеид Саади долгие годы провел в странах Запада, где получил разностороннее высшее образование.

... Миновав Доши, наша колонна без особых приключений проехала через Пули-Хумри и Баглан и, наконец, прибыла в Кундуз, центр одноименной провинции, откуда нам предстояло совершить поездки в высокогорный Бадахшан и другие пограничные районы на севере Афганистана. К нашему великому изумлению в Кундузе нас принял в качестве гостей известный в стране президент государственно-частной компании «Спинзар» («Белое золото») Гулям Сарвар Нашер. Нам еще ранее было известно, что среди воротил афганского бизнеса его можно было поставить рядом, пожалуй, только с патриархом афганского капитала Абдул Маджидом Заболи. Г.Нашер являлся фактическим хозяином трех северных афганских провинций – Баглана, Кундуза и Тахара. Он владел многоэтажным отелем и банком в столице, многими хлопковыми плантациями и обширными землями на севере страны и более чем 10 предприятиями в Кундузе, в том числе хлопкоочистительным, маслобойным и мыловаренным заводами и фарфоровой фабрикой. Через его компанию проходило более половины всего собираемого в Афганистане хлопка.

Есть все основания предполагать, что его обогащению и огромному влиянию в деловых и правительственных кругах страны не в малой степени содействовали близкие, дружеские отношения с королем Захир-шахом. Правда, у Г.Нашера были и недруги, особенно в королевской семье. К ним относился и М.Дауд. Как гласила народная молва, М.Дауд считал, что Г.Нашер, устраивавший для короля увеселения в обществе западных девиц, во многом был повинен в дискредитации династии. Отсюда не случайно, что М.Дауд, придя к власти в 1973 г. после свержения монархии, бросил Г.Нашера в тюрьму по обвинению «в служебных злоупотреблениях» и национализировал его банк и компанию «Спинзар».

Последнее, повторимся, случилось много лет спустя. Пока же по прибытии в Кундуз членов нашей группы разместили в одно- и двухместных номерах гостиницы компании «Спинзар». Вечером, за ужином, состоялась встреча с Г.Нашером. Уже с первых минут общения с ним бросились в глаза его внешность и манеры поведения. Прежде всего с об-

ликом афганца из гильзайского племени хароти, кем он был, не вязалась его одежда: высокие ботинки с крагами, брюки-галифе, куртка до пояса и узкополая шляпа, украшенная фазаньим пером. Все это выдавало в нем поклонника немецкой моды, в чем, видимо, была немалая «заслуга» его жены Марьям Омар, наполовину немки.

Со столичными гостями, особенно с нами, советскими, Г.Нашер старался быть максимально вежливым, доброжелательным и предупредительным. Вместе с тем порой в его словах и жестах нет-нет да и проскальзывали элементы высокомерия, барства и снисходительно-покровительственного отношения к своим соотечественникам. Нас, в частности, шокировали его не совсем уместные шутки в адрес убеленного сединой генерала, начальника инженерного управления, человека скромного и немногословного по натуре, но любившего поесть и поесть довольно много. Г.Нашер во время застолья не упускал случая, чтобы не подтрунить над генералом по поводу его аппетита. Так, заметив пустую или полупустую тарелку генерала, он нарочито громко приказывал официанту:

– *Эй, гарсон, принеси-ка для уважаемого генерала еще одну тарелку плова!*

Генерал смиренно сносил нелицеприятную «любезность» личного друга короля, хотя по его (генерала) смущенному лицу и вымученной улыбке было видно, что он в полной мере осознает всю неприглядность этого спектакля, разыгрываемого, к тому же, еще и в присутствии иностранцев.

В течение последующих трех дней нам пришлось проехать по бездорожью не одну сотню километров вдоль афганской границы и посетить по пути Таликан, Файзабад, Рустак, Шерхан и ряд афганских пограничных застав. Для нас не стало неожиданностью узнать, что с афганской стороны граница практически не охраняется. Как выяснилось при посещении одной из них, расположенной на правом берегу реки Пяндж (напротив таджикского поселка Московский), весь личный состав заставы занимается либо строительством для своих нужд различных объектов, либо сугубо хозяйственными делами.

– *А зачем нам охранять границу? – резонно пояснил нам афганский пограничный комиссар. – Эту задачу прекрасно выполняют наши советские друзья. Мы, конечно, тесно сотрудничаем с ними. У меня лично с Володей (так он назвал начальника советской погранзаставы. – М.С.) сложились добрые, дружеские отношения. К примеру, недавно мы с ним успешно решили одну деликатную экономическую проблему.*

– *Какую же это «экономическую»? – удивились мы.*

– *Знаете, – улыбаясь, сказал он, – в камышовых зарослях вдоль Пянджа развелось страшно много кабанов. Они, совершая дерзкие набеги на крестьянские поля, наносят огромный ущерб посевам. Однако, по канонам ислама, мы не можем притрагиваться к этим тварям, даже мертвым. А вот ваша религия позволяет это. В связи с этим мы договорились с Володей, что мы, привлекая местных жителей, погоним кабанов в сторону вашей границы, а там он разберется с ними, как полагается. В общем все прошло нормально, как говорит афганская поговорка, «хам хорма, хам саваб» (в переводе с дари на русский язык это означает «и овцы целы, и волки сыты»). – М.С.)*

Отъехав от заставы несколько километров, мы неожиданно стали очевидцами странного зрелища. На наших глазах из одного из разбросанных по округе конусообразных камышовых шалашей вылез совершенно голый молодой человек с необычной для этих мест рыжей бородой и всклокоченными, длинными до плеч волосами.

– *Что это за человек? – спросил я у сидевшего рядом А.Рокая.*

– *Одному Аллаху известно, кто он? Может быть окуранный чарсем дервиш, а скорее всего – сумасшедший. Разве нормальный человек, да еще и в такую прохладную погоду, решится гулять без одежды!*

Чуть позже ясность в мучивший нас вопрос внес ехавший в другой машине пограничный комиссар. По его словам, то был один из американских хиппи, которых данный край, как, впрочем, и Афганистан вообще, привлекал в то время дешевизной и доступностью наркотического зелья, а также и снисходительностью афганских властей к иностранным

любителям подобного рода кайфа.

Последним пунктом нашей поездки вдоль афганской границы стал порт Шерхан (ранее Кызылкала), названный так в честь отца Г.Нашера. Шерхан – единственный крупный речной порт Афганистана на судоходной части Пянджа – Амударьи. Его торгово-экономическое и политическое значение значительно возросло с началом освоения газовых месторождений и строительства важных промышленных и инфраструктурных объектов на севере страны и особенно в связи с закрытием транзита афганских товаров через территорию Пакистана в период обострения афгано-пакистанских отношений по пуштунской проблеме.

Пяндж, как и его продолжение – Амударья, не идут ни в какое сравнение по своей многоводности с ранее виденными нами внутренними водными артериями Афганистана. В районе Шерхана Пяндж удивляет значительной шириной (в несколько сот метров), большими глубинами, быстрым течением и многочисленными омутами и заводьями. Впечатляюще выглядели и берега реки: возвышенный правый (советский) со смотровой вышкой на краю обрыва и пологий левый, примыкающий к степной равнине и песчаной пустыне, на котором, у среза воды, компактно расположились бетонные причалы, портальные краны, складские помещения и площадки и административные здания порта.

Осмотрев портовые сооружения, полюбовавшись на речные просторы Пянджа и побеседовав за чашкой чая с начальником порта и другими ответственными лицами, мы покинули Шерхан и через час с небольшим оказались в Кундузе. Здесь Г.Нашер устроил для нас прощальный обед. После его завершения он подарил нам, включая и афганских военных, большой набор образцов товаров, выпускаемых его фирмой, как-то: несколько бутылочек растительного масла, различные сорта мыла в красивой упаковке, столовую посуду из фарфора, керамические глазурованные изделия, в том числе и фигурки домашних и диких животных.

Полные впечатлений от увиденного и услышанного и польщенные оказанным нам гостеприимством мы возвратились в столицу, снова проехав в обратном направлении по вспомогательной дороге через перевал Саланг. Так закончились наши длительные поездки вдоль афганской юго-западной, южной, восточной и северо-восточной границы.

МУХАММАД ДАУД И МОДЖАХЕДЫ

Когда черновой вариант организационно-штатной структуры афганской королевской армии, разрабатываемый советскими специалистами, был уже готов, Главный штаб во главе с генералом Г.Фаруком решил провести в узком составе командно-штабные учения для того, чтобы проверить возможности новой военной организации страны. Основным направлением учений, исходя из принятой оборонительной доктрины Афганистана, было избрано восточное. По легенде учений, в пределы страны состоялось вторжение войск соседа. Уже в самом начале виртуальной операции стало очевидным численное и военнотехническое превосходство потенциального противника. Афганская армия и при новой организации, и при новой боевой технике и оружии могла лишь с большим трудом и при значительных потерях сдерживать продвижение неприятельских войск в глубь страны.

Озадаченные таким неблагоприятным развитием событий, афганские высшие военные чины задумались. Кто-то из них, теперь уже забылось именно кто, вспомнил о племенном пуштунском ополчении – традиционном военном резерве Афганистана на случай возникновения внешней угрозы независимости страны. Когда зашла речь о его численности и боевых возможностях, афганское командование впервые, по крайней мере для нас, раскрыло его структуру, численность и излюбленные им способы партизанских действий, известные в обиходе под названием «шаб-хун» (букв. – «ночная кровь», другими словами – «ночная вылазка»). По утверждению афганских военных, только в приграничной полосе от Асмара до Кандагара численность пуштунского племенного ополчения, организационно сведенного в полки, батальоны и другие боевые единицы, составляла приблизи-

тельно от 350 до 450 тысяч вооруженных и постоянно боеготовых воинов.

После ввода в бой этой внушительной ополченческой силы обстановка стала кардинально меняться в пользу афганских войск. Продвижение противника вперед замедлилось, и война начала принимать затяжной характер.

Уместно заметить, что ставка правящей афганской верхушки того времени на партизанскую войну занимала особое место в ее подходах к решению пуштунской проблемы. В частности, премьер М.Дауд в конце 50-начале 60-х гг. XX в., действуя вразрез с официально провозглашенным его страной курсом на предоставление зарубежным пуштунам права на самоопределение, вынашивал замысли силового решения пуштунской проблемы с тем, чтобы путем разжигания партизанской войны в Пуштунистане подготовить условия для объединения всех братьев-пуштунов в рамках единого афганского государства.

Этот опасный курс афганского лидера стал предметом обсуждения в октябре 1961 г., во время визита в Кабул советской военной делегации во главе с Маршалом Советского Союза В.Д.Соколовским. В ходе переговоров М.Дауду было прямо заявлено, что его планы по силовому решению пуштунской проблемы абсолютно бесперспективны и, более того, с учетом членства Пакистана в военно-политическом блоке СЕАТО чреваты возникновением в данном регионе широкомасштабного военного конфликта. Маршал В.Д.Соколовский, убеждая М.Дауда в опасности его намерений силой решить пуштунскую проблему, без обиняков говорил ему:

- Господин премьер-министр, на что вы рассчитываете, провоцируя Пакистан на ответные военные действия? Ведь вы не можете не понимать, что расклад потенциальных сил - и людских, и военно-технических, и экономических - не в вашу пользу. Извините за откровенность, Пакистан уже умеет производить лезвия для бритв, и говорят неплохие, а вы еще не в состоянии делать даже гвозди.

В связи со сказанным представляются досужим вымыслом утверждения некоторых западных советологов, в частности майора Дж.Коллинза, бывшего доцента Военной академии США и офицера Пентагона, в его книге «Советское вторжение в Афганистан» относительно целей визита маршала В.Д.Соколовского в Кабул. Так, Коллинз, ссылаясь на донесение американского шпиона О.Пеньковского, пишет, что В.Д.Соколовский якобы во время переговоров с М.Даудом обсуждал вопрос «о возможностях посылки советских войск в Афганистан в соответствующее время для участия в совместных операциях против Пакистана». Я, как человек, причастный к этим переговорам, смею утверждать, что данное умозаключение американского майора - заведомая ложь: ни М.Дауд и ни В.Д.Соколовский в ходе состоявшихся бесед такой вопрос не ставили и не обсуждали. Скорее наоборот. В.Д.Соколовский делал все, чтобы отговорить М.Дауда от попыток втянуть Афганистан в опасный для этой страны вооруженный конфликт с Пакистаном.

И все же М.Дауд не внял советам советской стороны. По его указанию в Пуштунистан начали забрасываться диверсионные группы во главе с афганскими офицерами. Они, действуя под видом «национальных моджахедов Пуштунистана», подрывали мосты, линии коммуникаций и важные хозяйственные объекты, совершали вооруженные нападения на пограничные посты и полицейские участки, убивали неугодных пакистанских государственных служащих, захватывали заложников, привлекали в свои ряды местных жителей - пуштунов и т.п.

Автору этих строк приходилось много раз встречаться и беседовать с одним из афганских офицеров, побывавшим в свое время в Пуштунистане в качестве «национального моджахеда». Им был майор Сафи, выпускник Рязанского высшего военного воздушно-десантного училища, известный в Афганистане десантник, командовавший в конце 60-х гг. XX в. элитным кабульским 444 батальоном «коммандос». С присущей ему бравадой он рассказывал о дерзких операциях в духе «шаб-хун» его диверсионной группы. Вместе с тем он вынужден был признать, что его группа, не получив широкой поддержки со стороны местного населения, действовала в основном в составе афганских граждан. Зарубежные пуштуны оказались не готовыми воевать под флагом афганской монархии, на бескорыстной, идейно-политической основе.

М.Дауд и его ближайшее военное окружение, явно не удовлетворенное неудачами моджахедов по привлечению на свою сторону пакистанских пуштунов, стали сначала в частных беседах с советскими военными представителями в Кабуле, а затем и на официальном уровне выдвигать идею об открытии в столице с участием советских преподавателей специальных курсов по вопросам организации и ведения партизанской войны. Советская сторона с самого начала, зная тайные замыслы высшего афганского военного и политического руководства по пуштунской проблеме, решительно отвергла эту идею. Однако афганские руководители продолжали упорно стоять на своем. В конце концов, было принято компромиссное решение: прочитать в течение месяца для узкого круга старших и высших афганских офицеров цикл лекций по истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. При этом заранее оговаривалось, что изложение советского опыта партизанской борьбы в тылу врага будет вестись без какой-либо увязки с географическими, политическими, социальными, этническими и другими особенностями и спецификой среднеазиатского региона и, тем более, с пуштунской проблемой.

Для этой цели в Кабул был командирован полковник, старший преподаватель Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. В роли переводчика выступал автор этих строк. С афганской стороны в состав слушателей данных курсов вошли генерал Г.Фарук, начальник оперативного управления министерства национальной обороны Афганистана, А.Рокай, А.Ш.Азими и еще 2-3 офицера.

Лекции советского преподавателя вызвали у присутствовавших неподдельный интерес. Однако особым вниманием они удостоили вопрос о структуре военного и политического руководства партизанским движением на всех уровнях сверху донизу. Когда преподаватель сказал, что на уровне партизанских отрядов, кроме командира, обязательной штатной фигурой был политический комиссар, А.Рокай не удержался от «запретного» вопроса и, обращаясь скорее к себе и своим коллегам, спросил:

– *А кто же будет у нас политическим комиссаром? – затем, немного подумав, с улыбкой закончил: – Как кто?! Конечно же, мулла.*

Знал бы он тогда, что спустя примерно 20 лет, в годы гражданской войны, в отрядах моджахедов муллы прочно займут место «политических комиссаров» и в большинстве случаев именно духовные деятели возглавят антиправительственные группировки и структурно входящие в них под разными названиями агитационно-пропагандистские отделы по работе с боевиками и местным населением.

В конечном итоге М.Дауду не удалось реализовать на деле с помощью «национальных моджахедов» свою идею силового решения пуштунской проблемы. В марте 1963 г. он ушел в отставку с постов премьер-министра и министра национальной обороны. Новое афганское правительство во главе с таджиком Мухаммадом Юсуфом полностью прекратило засылку диверсионных групп в Пуштунистан и нормализовало прерванные при М.Дауде афгано-пакистанские отношения.

Эпилог

Генерал-полковник Г.Фарук оставался начальником Главного штаба афганской армии до ухода в отставку, после антимонархического переворота 1973 г.

А.Рокай. Судьба этого незаурядного, высоко эрудированного человека, последовательного сторонника М.Дауда оказалась весьма трагичной. В мае 1978 г. по приказу халькистского правительства Тараки-Амина он был расстрелян вместе с другими 25 старшими и высшими офицерами Афганистана. После работы в составе группы по реорганизации афганской армии он был направлен в качестве военного атташе в СССР (1963-1971 гг.), в 1969 г. произведен в генерал-майоры, а в 1971 г. занимал должность начальника отдела внешних сношений министерства национальной обороны страны.

А.Ш.Азими после окончания работы в составе группы по реорганизации афганской армии получил досрочно воинское звание полковника (1963 г.) и вскоре был назначен

командиром столичной 7 пехотной дивизии. В 1965-1972 гг. последовательно занимал должности командующего жандармскими войсками страны, начальника артиллерийского управления министерства национальной обороны и командира 8 пехотной дивизии. В 1966 и 1971 г. ему были присвоены соответственно воинские звания генерал-майора и генерал-лейтенанта. Умер в феврале 1972 г. в московском Центральном военном госпитале.

ТАМОЖНЯ ДАЕТ «ДОБРО»

С 1963 г. в военной организации Афганистана произошли существенные качественные перемены, связанное напрямую с ее перевооружением и переходом на новую штатную структуру. Хотя при этом численность королевской армии осталась примерно на прежнем, дореформенном уровне и составила около 90 тысяч человек в сухопутных войсках и 8 тысяч в военно-воздушных силах и войсках противовоздушной обороны, однако в ее составе появились совершенно новые, ранее вообще не существовавшие в стране части и соединения – авиационные, танковые, зенитно-ракетные, артиллерийские, радиотехнические, воздушно-десантные, инженерные, транспортные и другие. Большинство из них, оснащенных современной боевой техникой, располагалось в столице и ее окрестностях.

Появление этих «новых» частей и соединений, как и неотложная необходимость повышения обороноспособности страны, поставили перед высшим афганским руководством вопрос о подготовке и переподготовке офицерского и унтер-офицерского корпуса и обучения личного состава армии основам владения и эксплуатации поставленного советского вооружения. Выполнение этой задачи, естественно, было невозможно без соответствующих полевых и боевых уставов, наставлений, руководств и инструкций по различным родам войск и службам. Все они, в соответствии с советско-афганским соглашением о военном сотрудничестве, были переданы афганской стороне. Требовалось лишь перевести их на язык дари.

С этой целью при Главном штабе афганской армии, была создана специальная группа, в которую вошел ряд моих коллег по переводческому цеху. Возглавить группу поручилось мне. Примерно через год кропотливой работы перевод военных уставов и наставлений в основном был завершен. Начальник Главного штаба генерал Г.Фарук высоко оценил проделанную работу и в знак благодарности подарил мне целый комплект изданных на языке дари под грифом «секретно» уставов и наставлений (мой личный вклад в этих переводах составил более 25 наименований). Данный бесценный дар явился для меня не только знаком памяти о работе в составе упомянутой группы, но и приобретал сугубо утилитарное значение. Дело в том, что начиная с 1957 г. я целенаправленно занимался сбором материалов для русско-дари военного и технического словаря. Так что указанные афганские военные издания представлялись для меня источником первостепенной важности.

Кроме лексикографических увлечений, у меня в то время возник еще и интерес к истории и этнографии Афганистана. В итоге к моменту отъезда в очередной отпуск у меня накопился изрядный объем уникальных материалов и документов на английском, дари и пушту языках. Вдобавок была уже готова и солидная картотека по словарю. В такой ситуации неизбежно возник гамлетовский вопрос: а как все это провезти через границу, прежде всего через бдительную советскую таможду. Ведь недаром по этому поводу в наших, советских, кругах тогда имела хождение присказка: «Господа-то, конечно, пропустят, а вот товарищи вряд ли...»

Поскольку у меня не было никакого желания отказываться от начатого дела по лексикографии и истории Афганистана, а давать взятки не входило в мои убеждения и жизненные правила, то пришлось искать законные пути и способы решения возникшей проблемы. Именно законные! Речь как-никак шла о противостоянии всемогущей государственной системе, коей являлась таможенная служба. И выход, в конце концов, был найден: советское посольство в Кабуле, пойдя мне навстречу, выдало бумагу, исполненную на фирменном бланке, подписанную послом С.Ф.Антоновым и скрепленную гербовой печаткой.

тью, гласящую, что «сему предъявителю, М.Ф.Слинкину, разрешается провезти через границу материалы и документы на иностранных языках в количестве 150 наименований для научных целей» (далее шло их перечисление).

Как и ожидалось, содержимое моего багажа не вызвало никакого интереса у афганских таможенников. А вот в Москве, в аэропорту Шереметьево, случилось именно то, что должно было обязательно случиться. Получив багаж, мы, пассажиры кабульского рейса в составе до 70 человек, собрались в таможенном зале. Через какое-то время я одним из первых был удостоен персонального внимания. По внутренней радиосвязи громко и повелительно прозвучало:

– *Товарищ Слинкин, будьте любезны, подойдите со своими вещами к таможенной стойке!*

Подходить мне не потребовалось, так как я находился рядом с этой стойкой.

– *Я – Слинкин к вашим услугам.*

– *Сколько у вас мест багажа и что в них имеется?* – бесстрастно спросил таможенный служащий.

– *Вот эти шесть чемоданов – мой багаж, – показал я рукой. – В пяти из них – книги и другие печатные материалы, а в шестом – личные вещи.*

– *Откройте эти пять чемоданов с книгами, – потребовал он.*

Взяв в руки несколько афганских военных уставов и бегло полистав их, таможенник тоном, не терпящим возражений, заявил:

– *Мы вынуждены все это конфисковать, поскольку, согласно Советским законам, не разрешается ввозить в страну печатные издания на иностранных языках.*

– *Но у меня есть на это разрешение.*

– *Какое еще разрешение? Покажите.*

Я достал из дорожной сумки посольскую бумагу и вручил ее таможеннику. Тот внимательно прочитал ее, повертел в руках и, убедившись в ее подлинности, видимо, понял, что игнорировать заключение посла, представителя главы государства за рубежом, рискованно, с нескрываемым недовольством и укоризной бросил мне:

– *А что вы раньше молчали об этом?!*

Для меня стало вполне очевидным, что таможенная служба, обескураженная посольской бумагой, не может конфисковать содержимое моих чемоданов. Не в меру осмелев, я пошел в лобовую атаку на представителя таможенной службы и с вызовом ответил ему:

– *Но вы ведь и не спрашивали меня об этом!*

– *Вы свободны. Можете закрывать свои чемоданы, – махнул он в их сторону рукой и с невозмутимым видом занялся осмотром вещей другого пассажира.*

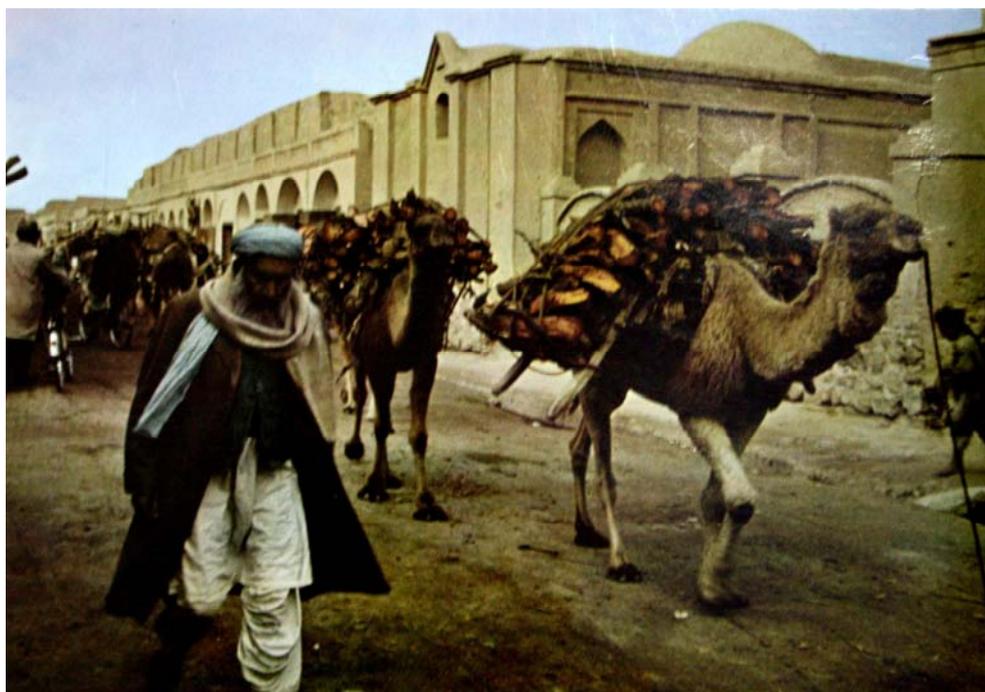
Итак, как бы там ни было, таможня к моему удовлетворению дала «добро». Однако меня до сих пор мучает вопрос, кто же был тот супостат, что донес на меня по поводу упомянутой «крамольной» попытки провезти через советскую государственную границу недозволенные иностранные издания?

© Фото из архива автора, Асефи, Насрулла Садики, салона Хамидулла, журнала «Ды Урду Маджалла», книги Абдулхая Хабиби «Краткая история Афганистана» (Том 2), печатного издания на языке дари «Саланг», альбомов «Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways», «Afghanistan Tourist Information».

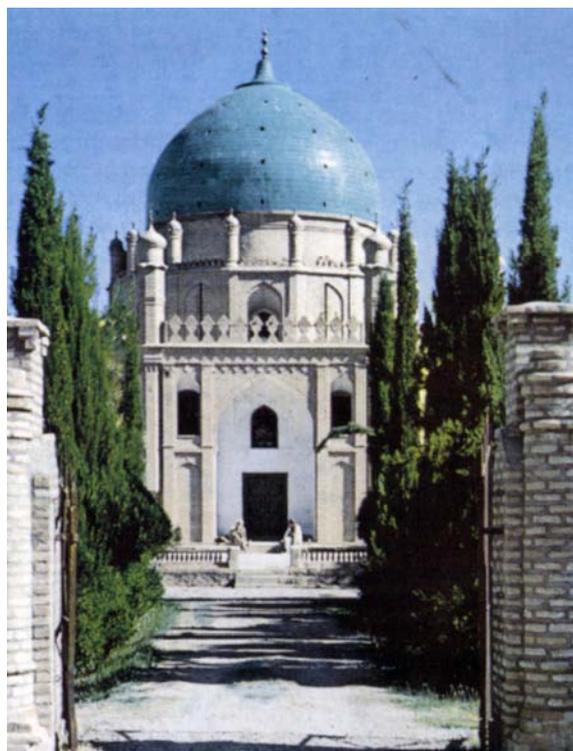
© Фото из архива автора, Асефи, Насрулла Садики, салона Хамидулла, журнала «Ды Урду Маджалла», книги Абдулхая Хабиби «Краткая история Афганистана» (Том 2), печатного издания на языке дари «Саланг», альбомов «Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways», «Afghanistan Tourist Information».

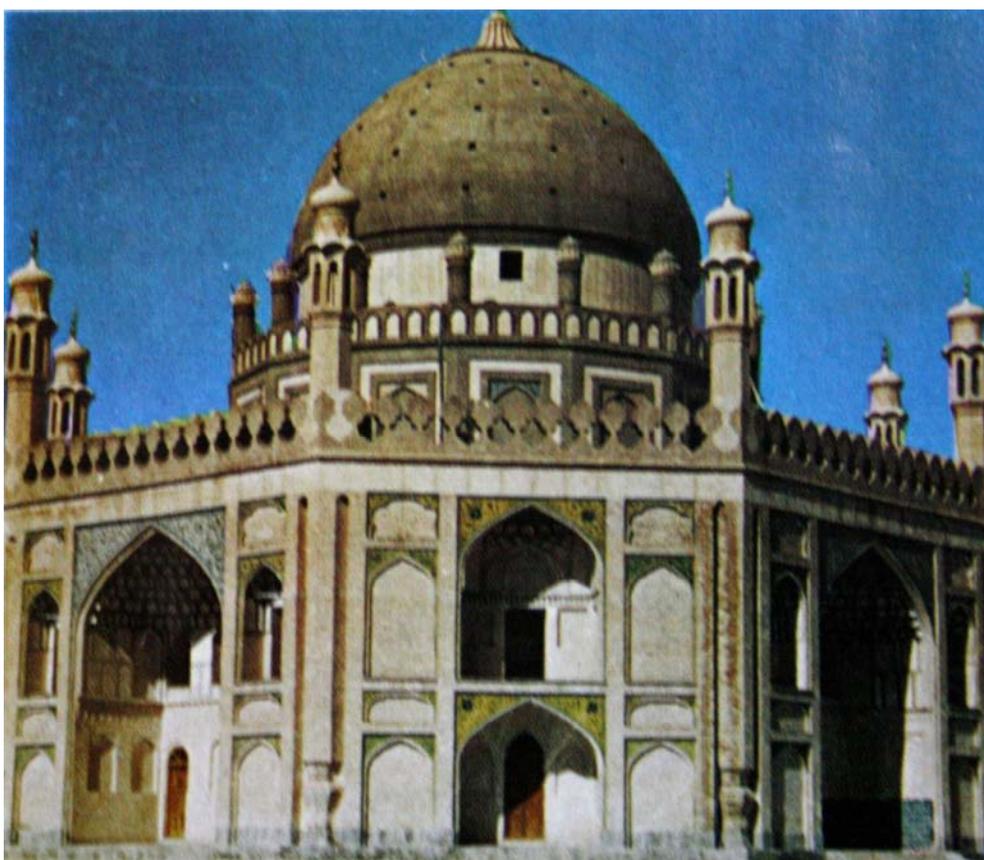
1961 г. Кабинет премьер-министра М. Дауда.

Кандагар. Караван верблюдов с дровами.

Кандагар. Мавзолей гильзайского хана Мир-Вайса.

Кандагар. Мавзолей Ахмад-шаха Дуррани – основателя афганского государства.

© Фото из архива автора, Асефи, Насрулла Садики, салона Хамидулла, журнала «Ды Урду Маджалла», книги Абдулхая Хабиби «Краткая история Афганистана» (Том 2), печатного издания на языке дари «Саланг», альбомов «Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways», «Afghanistan Tourist Information».

Долина Гильменда.

Лашкаргах – Буст. Развалины крепости.

Монумент в Газни.

© Фото из архива автора, Асефи, Насрулла Садики, салона Хамидулла, журнала «Ды Урду Маджалла», книги Абдулхая Хабиби «Краткая история Афганистана» (Том 2), печатного издания на языке дари «Саланг», альбомов «Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways», «Afghanistan Tourist Information».

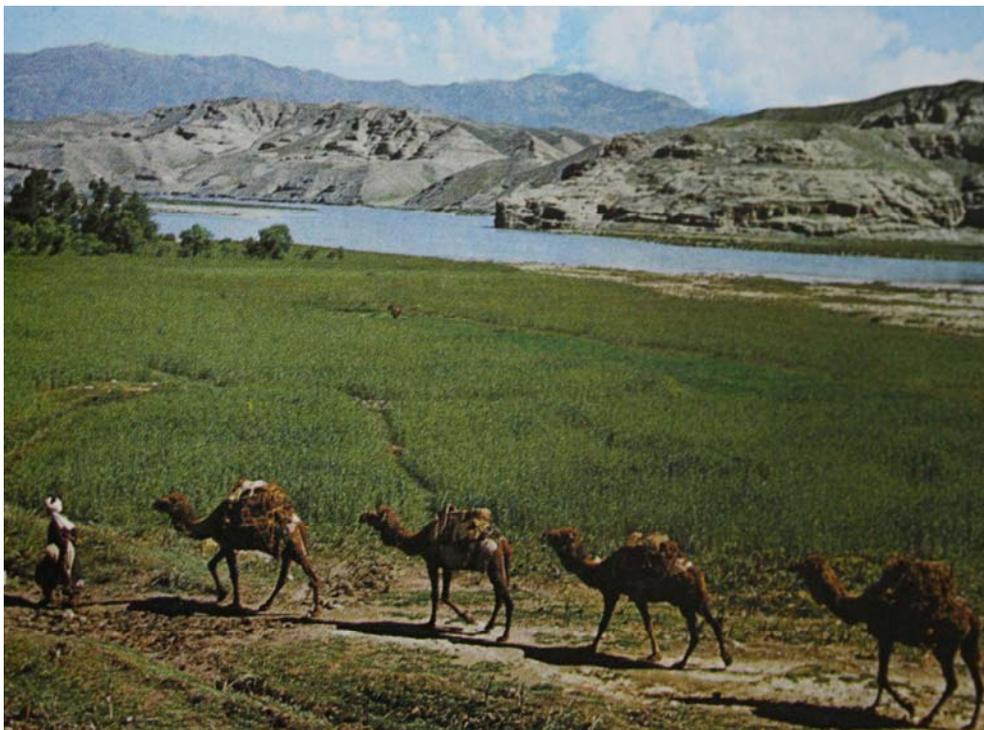
Надпись на надгробии султана Махмуда Газневида.

Рабочие на перевале Сете-Кандау.

Дорога через перевал Сете-Кандау.

Долина р. Кабул вблизи г. Джалалабада (провинция Нангархар).

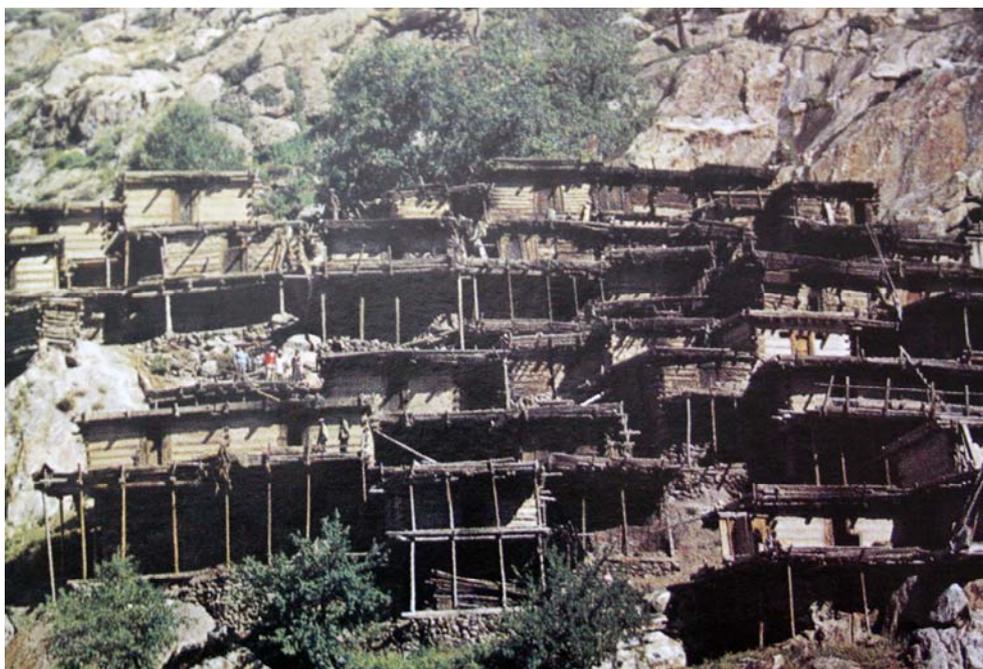

г. Джалалабад. Бывший королевский дворец.

© Фото из архива автора, Асефи, Насрулла Садики, салона Хамидулла, журнала «Ды Урду Маджалла», книги Абдулхая Хабиби «Краткая история Афганистана» (Том 2), печатного издания на языке дари «Саланг», альбомов «Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways», «Afghanistan Tourist Information».

г. Джалалабад. Уголок парка бывшего королевского дворца.

Нуристанская деревня.

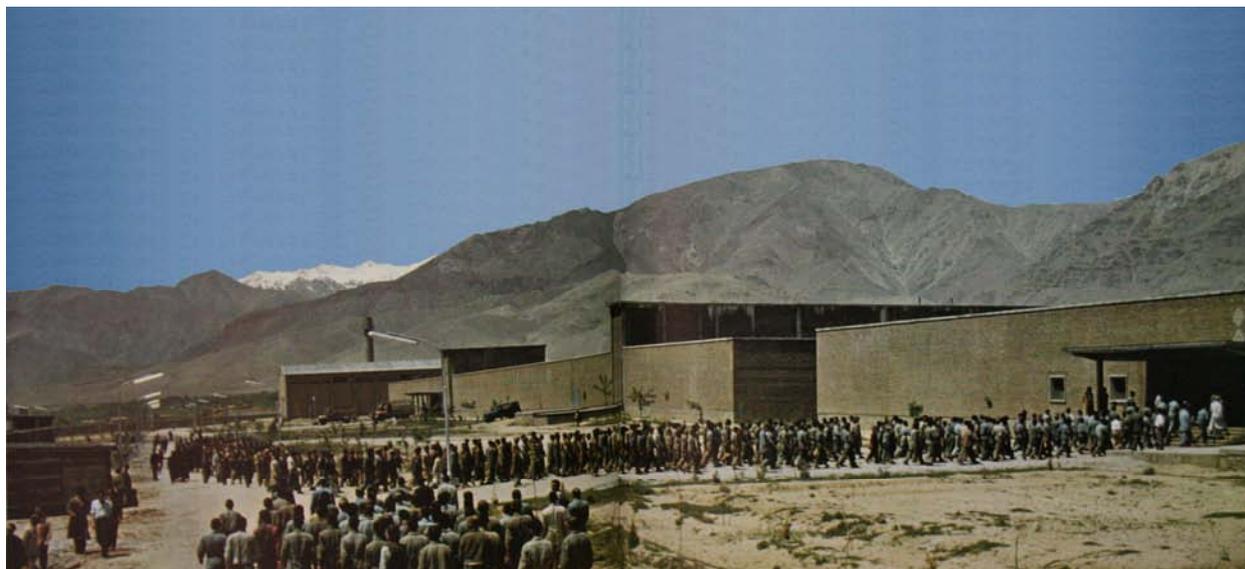

Нуристанцы.

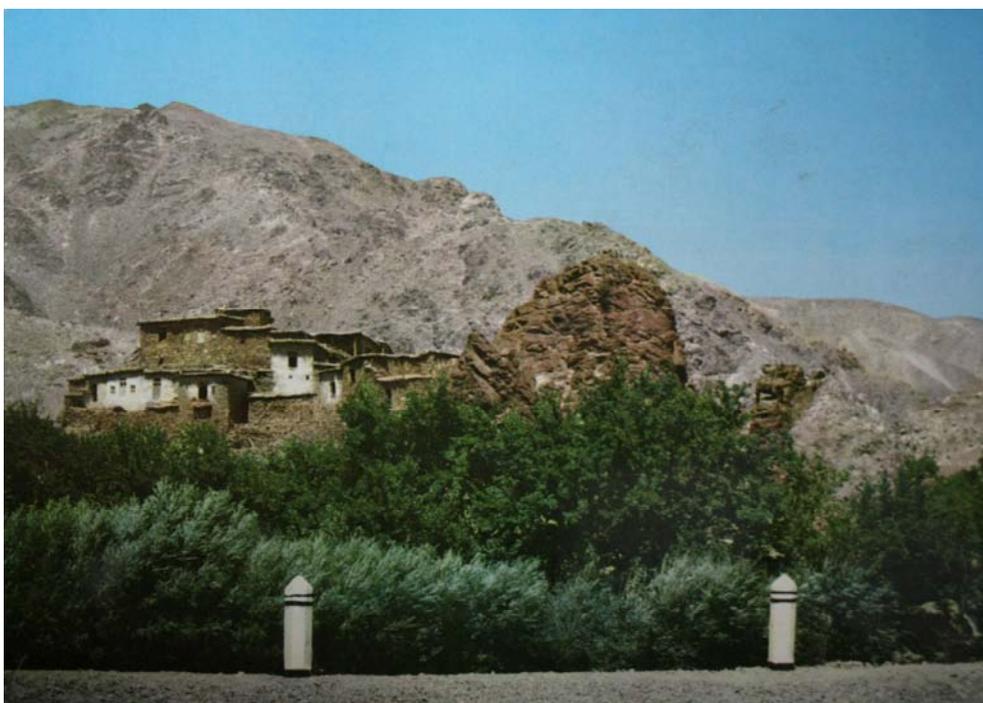

Баги-Бала – загородный охотничий домик бывших афганских эмиров.

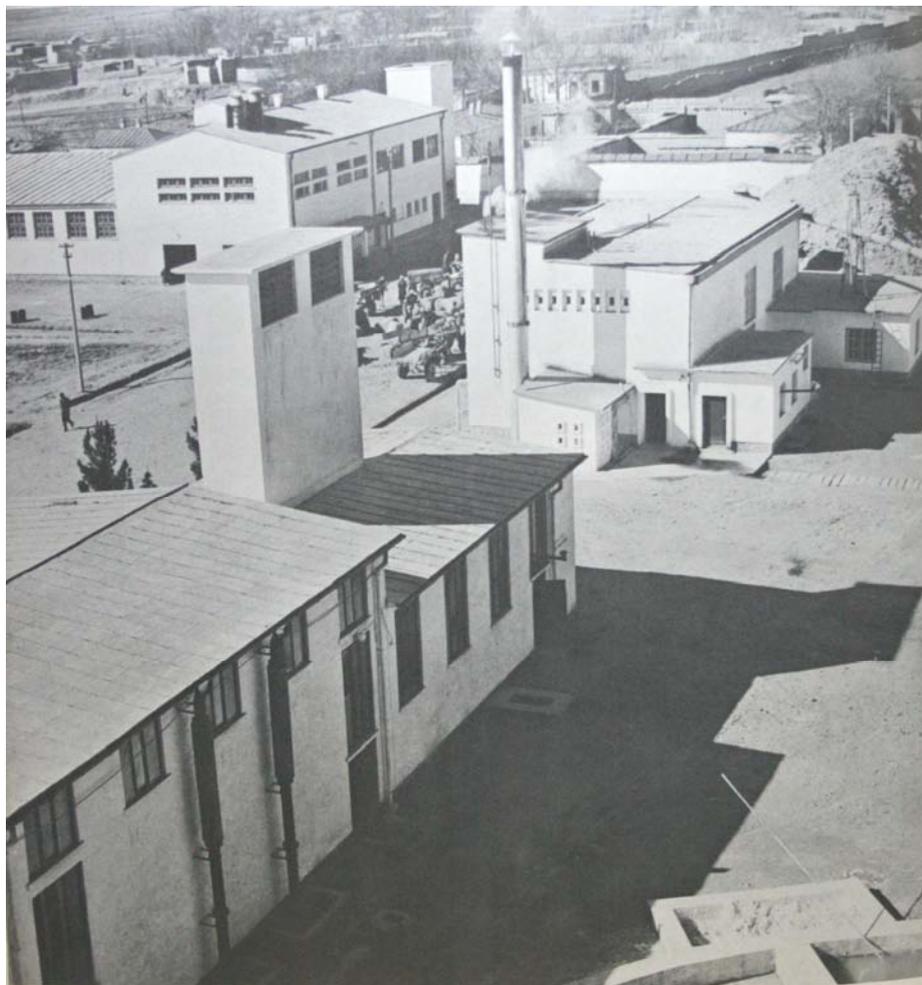
© Фото из архива автора, Асефи, Насрулла Садики, салона Хамидулла, журнала «Ды Урду Маджалла», книги Абдулхая Хабиби «Краткая история Афганистана» (Том 2), печатного издания на языке дари «Саланг», альбомов «Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways», «Afghanistan Tourist Information».

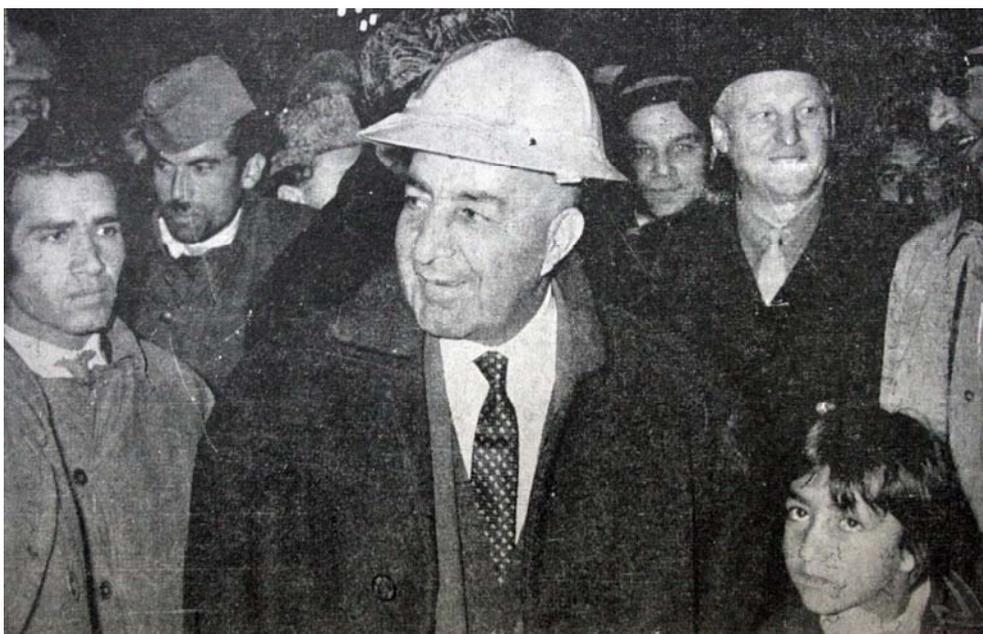
Гульбахарский текстильный комбинат.

Деревня в ущелье Саланга.

Кундуз. Заводы компании «Спинзар».

1962 г. М.ДAUD на строительстве тоннеля через Гиндукуш.

© Фото из архива автора, Асефи, Насрулла Садики, салона Хамидулла, журнала «Ды Урду Маджалла», книги Абдулхая Хабиби «Краткая история Афганистана» (Том 2), печатного издания на языке дари «Саланг», альбомов «Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways», «Afghanistan Tourist Information».

Король Захир-шах среди афганских рабочих и советских специалистов – строителей тоннеля через Гиндукуш.

1964 г. Визит министра национальной обороны Афганистана генерала армии Хан Мухаммада в Москву. Слева направо: первый – А.Рокай, третий – Хан Мухаммад, четвертый – Н.С.Хрущев, пятый – Абдураззак Майванд.

Порт Шерхан на р. Пяндж

ТАНКИСТЫ, АРТИЛЛЕРИСТЫ И ДРУГИЕ

Вслед за танками Т-34 на вооружение афганской армии в первой половине 60-х гг. XX в. поступили более совершенные, уже послевоенной постройки советские танки Т-54. Все они, по решению высшего руководства Афганистана, должны были войти во вновь формируемую 15 танковую бригаду (15 тбр). Предусматривалось, что ее офицерский и унтер-офицерский состав будет готовиться на специальных курсах в гарнизоне Пули-Чархи (в 35 км к востоку от Кабула), где уже дислоцировалась 4 тбр.

И снова судьба оказалась благосклонной ко мне, дав возможность принять участие в качестве старшего переводчика в подготовке штатного персонала еще одной, уже второй по счету (после 4 тбр), танковой бригады центрального подчинения. Старшим преподавателем на этих курсах был назначен прекрасный знаток своего дела полковник Юрий Андреевич Трубицын. Главными предметами, которые он вел, являлись устройство танка, правила его обслуживания и эксплуатации, вождение и основы стрельбы.

В списке слушателей курсов, насчитывавшем более 60-ти человек, значились будущие командир бригады, ее начальник штаба, ряд штабных офицеров, командиры подразделений и танков и механики-водители. Командир бригады – генерал-майор Хуссейн-хан, типичный пехотный офицер – до поступления на танковые курсы совершенно не был знаком с данным родом войск и его техникой. При первом знакомстве он показался человеком немногословным, несколько замкнутым, хрупким по натуре и не обладающим внешне характерной для строевых офицеров командирской жилкой.

Прямую ему противоположность являл собой начальник штаба бригады подполковник Гулям Хайдар Расули. В нем с первого взгляда угадывался бывший кавалерист. Это был человек выше среднего роста, внешне подтянутый, стройный и слегка щеголеватый, волевой и решительный и вместе с тем вежливо сдержанный в общении с подчиненными. Как позже удалось узнать, он являлся выходцем из влиятельного кандагарского клана мухаммадзаев (к этому клану принадлежала и королевская семья). Его отец Гулям Расул был одним из авторитетов (сардаров) указанного клана. Есть основания предполагать, что именно такая родословная Г.Х.Расули определила еще одну, свойственную ему поведенческую черту – преувеличенную самоуверенность в себе и своей избранности. Среди офицеров – его сослуживцев он слыл довольно богатым человеком, владевшим плодородными землями, садами и виноградниками не только на вотчине отца, в Кандагаре, но и в других местах, в частности в Шакардара (Кухдаман). Здесь, в тени живописного парка Г.Х.Расули устроил для нас накануне завершения работы курсов пышный пикник.

Отношение Г.Х.Расули к нам, советским людям, во все периоды контактов с ним, в том числе и на личном уровне, было без какой-либо наигранности доброжелательным, дружественным, а порой и доверительным, что никак не вязалось с приклеенным ему позже в советской печати ярлыком "ярого антикоммуниста". На мой взгляд, он не являлся таковым ни тогда, когда служил в афганской королевской армии, и ни позже, когда вошел после государственного переворота 1973 г. в руководящий Центральный комитет Республики Афганистан, а затем в правительство М.Дауда в качестве министра национальной обороны. В действительности, по своей идейно-политической ориентации, он скорее принадлежал к консервативно-националистическому крылу, широко распространенному в то время среди афганской военной и гражданской интеллигенции.

Оба они – Хуссейн-хан и Г.Х.Расули – оказались прилежными учениками и практически не пропускали в течение всего срока обучения ни одного занятия. Генерал, как правило, не вел конспектов и почти ничего не спрашивал в процессе урока. Начальник же штаба, сидевший рядом с ним, наоборот, со стенографической быстротой фиксировал в своей пухлой тетради буквально все, о чем говорил преподаватель, и задавал со свойственной ему дотошливостью массу вопросов, вникая во все тонкости изучаемого предмета.

Случилось так, что генерал Хуссейн-хан, пока он не получил положенный ему по чину и должности служебный автомобиль, добирался из столицы до гарнизона Пули-Чархи

вместе с нами, на нашем газике. В частных беседах по дороге, а она занимала в один конец не менее 35-40 минут, он предстал перед нами в совершенно ином свете, чем это показалось на занятии. Оказалось, что он, в действительности, был человеком весьма общительным и словоохотливым. Обычно наши беседы, тон и направленность которых чаще всего задавал сам генерал, велись вокруг самых разных проблем – от серьезных исторических и этнографических до простых, житейских. При этом, как мне показалось, в разговоре о том, о сем особый интерес он питал к кулинарным блюдам и способам приготовления различных дурмящих снадобий, типа насвара (наса), чарса, "травки" и т.п. Сразу оговорюсь: у меня не было никаких оснований подозревать этого почтенного человека в пристрастии к наркотикам или, что хуже, в желании спровоцировать собеседников к их употреблению. Мне сдается, что генерал просто хотел показать этим свою широкую осведомленность о вещах и сферах, далеких от военного дела.

Из его уст я узнал, в частности, о рецептуре приготовления насвара (жевательного табака), широко употребляемого в Афганистане, особенно малоимущей частью населения, для которой сигареты представляются слишком дорогим удовольствием. Как пришлось узнать, неотъемлемыми компонентами насвара, кроме особых сортов табака, являются также птичий помет, известь и ароматические добавки. До мельчайших деталей генерал поведал и о приготовлении в домашних условиях чарса – наркотика из индийской конопля. По его рассказу, для этого берутся сушеные стебли данного растения, кладутся на чугунную сковородку и легкими ударами молоточка из них выбивается сероватая пыльца, которая затем на слабом огне превращается в воскообразную массу, готовую для курения-кайфа.

Как-то раз, будучи на полигоне Пули-Чархи, мы, по настоянию генерала, заехали после занятий в соседнюю деревню, славившуюся в долине Карабага отменными арбузами весом до 10-15 кг каждый. Выбрав самые крупные и загрузив их в машину, мы отправились в Кабул. По пути Хуссейн-хан, показав рукой на один из арбузов, лежавших у наших ног, таинственным тоном спросил:

- *Михаил-саиб, ты знаешь, как из него можно приготовить ведро алкоголя ?*
- *Нет, господин генерал, не имею ни малейшего представления.*
- *Слушай, дорогой, и учись. – шутливо сказал он. – Делают это так: берут острый нож, вырезают им "чашак" (т.е. треугольник для пробы. – М.С.), разрыхляют ложкой мякоть арбуза, заливают в эту полость стакан спирта, возвращают на место "чашак" и ставят арбуз в темный, прохладный угол. Через три-четыре дня ведро напитка готово к употреблению. Однако запомни: пить его много нельзя, так как это – опасно для жизни.*

После окончания теоретического (классного) курса будущие танкисты многие недели, с утра до вечера проводили на танкодроме и полигоне, набираясь умений и навыков в вождении боевых машин и боевых стрельбах. Во время полевых занятий Г.Х.Расули нередко устраивал для старших офицеров курсов и нас что-то вроде ленча на свежем воздухе (впрочем, это случалось и раньше, в процессе классных занятий), удивляя всех каким-либо национальным, а то и экзотическим блюдом - то узбекским пловом, шашлыком, кебабами, то невесть откуда взятым жареным сомом. Все это предлагалось завернутым в свежее испеченный, еще теплый лаваш. Что касается ароматного чая, то без этого национального напитка, особенно в жару, не обходился ни один перерыв между занятиями.

Индивидуальные тренировки по вождению танков проходили в целом рутинно, без каких-либо происшествий. Нештатные ситуации, как любят говорить военные, стали возникать чуть позже, когда пришел черед слаживания экипажей и выполнения комплексных упражнений с боевой стрельбой. В один из таких дней на полигоне Пули-Чархи случилось непредвиденное. Очередной танковый экипаж, составленный исключительно из офицеров, успешно поразив из пушки и пулемета все намеченные цели и получив разрешение командного пункта (КП) возвратиться на исходные позиции, развернул боевую

машину и в тучах пыли, на большой скорости двинулся в обратном направлении. Когда пыль рассеялась, танка, к нашему немалому удивлению, на трассе не оказалось. На все запросы по радио о его местонахождении ответа не поступало.

Внезапное исчезновение танка и молчание экипажа не на шутку обеспокоили всех находившихся на КП. И не без оснований. Дело в том, что местность полигона в районе исчезновения танка была изрядно изрезана большими и малыми оврагами, а поодаль, в 1,5-2 километрах, у входа в ущелье Тангигару, находился отвесный обрыв глубиной до 150 метров. Почуввав неладное, полковник Трубицын, Расули и я немедленно сели в стоявший рядом ГАЗ-69 и ринулись по бездорожью туда, где предположительно мог быть злополучный танк. Не прошло и минуты, как мы обнаружили его в клубах еще не осевшей пыли, лежащим на борту на склоне небольшого оврага. На наших глазах открылись люки танка, через которые не очень спешно начали вылезать испуганные члены экипажа. Увидев их целыми и невредимыми, мы немного успокоились.

Сразу же, по горячим следам, стали уточнять детали происшедшего. Выяснилось, что офицер, выполнявший роль механика-водителя, в момент разворота с директрисы стрельбы потерял ориентировку. Растерялся и командир танка, который, услышав по радио взволнованные запросы командного пункта о местонахождении танка и одновременно увидев в прибор наблюдения поле колосившихся зерновых, вместо остановки машины начал неистово кричать по внутренней связи:

– *Гандом, гандом, гандом ... (пшеница, пшеница, пшеница)!*

Пока он кричал, танк влетел в овраг и свалился на борт. Мотор, к счастью, заглох.

Осмотрев танк со всех сторон и убедившись, что вытащить его из оврага своими силами не удастся, нам пришлось вызывать тягач. После того, как танк благополучно вытащили, Юрий Андреевич еще раз проверил его исправность и, не обнаружив каких-либо существенных повреждений, кроме помятых щитков, сел за рычаги управления, с первой же попытки завел двигатель и к радости всех присутствовавших доставил танк на исходные огневые позиции. На полигоне в тот день стрельбы больше не проводились.

Однако злключения по поводу происшедшего на этом не закончились. Не успели мы приехать в военный городок Пули-Чархи, как нас пригласил к себе начальник гарнизона, командир 4 тбр. Уже извещенный о неприятном случае на полигоне, он после взаимных приветствий озабоченно спросил у Трубицына:

– *Что же будем делать с поврежденным танком?*

– *Делать ничего не надо. – уверенно ответил Юрий Андреевич. – Танк полностью исправен.*

– *Как исправен? – не унимался генерал. – У него же погнут ствол пушки!*

– *Господин генерал, откуда у вас такие недостоверные данные? – недоуменно спросил мой коллега.*

Командир 4 тбр, пользовавшийся у афганских офицеров репутацией порядочного и справедливого человека, не стал скрывать источник данной информации. Достав из ящика письменного стола бумажку и показав ее нам, он заметил:

– *Вот капитан (далее следовала фамилия офицера-слушателя курсов) пишет в докладной записке на мое имя, что, цитирую, "при падении танка в овраг был, погнут ствол пушки" и т.д. Давайте спросим его, он здесь, в соседней комнате.*

Тут же в кабинет был вызван знакомый нам офицер. Генерал, показав на только что прочитанную бумажку, строго спросил:

– *Ты вот тут пишешь, что танк при падении в овраг получил серьезные повреждения, в том числе пострадала и его пушка. А у господина полковника, вашего преподавателя, совсем иное мнение. Что ты скажешь в связи с этим?*

Капитан начал изворачиваться, путаться, несвязно излагать происшедшее и в свое оправдание ссылаться на рассказы и выводы других афганских офицеров, участников этого события. Юрий Андреевич, слушая эту галиматью, не удержался:

– *Господин генерал, давайте договоримся так: завтра я сам произведу выстрел из*

этой пушки и на деле докажу ее полную исправность.

В конце концов начальник гарнизона понял всю абсурдность докладной записки и, используя весьма крепкую, ненормативную лексику на языке дари, выпроводил незадачливого капитана из кабинета (добавлю: с этого момента нам стало доподлинно известно, кто персонально "опекал" нас со стороны афганских спецслужб). Обращаясь к Трубицыну и показывая рукой на дверь, через которую вышел капитан, генерал сказал:

– *Извините, господин полковник, за это досадное недоразумение. У нас, к сожалению, иногда встречаются подобного рода ослы.*

Чтобы подтвердить правильность своих слов и убедить сомневающихся в исправности танковой пушки, Юрий Андреевич на следующий день проехал на попавшем под подозрение танке несколько сот метров по полигону и произвел прицельный выстрел из пушки. Все эти действия преподавателя вызвали у афганских офицеров возгласы одобрения. "Инцидент" на этом был исчерпан. Правда, ретивый капитан на занятиях уже больше не появлялся. Можно предположить, что, если бы он и осмелился сделать это, то его бывшие коллеги-офицеры вряд ли бы простили ему содеянное. Как бы там ни было, но его наветами затрагивалась и их офицерская честь.

Там же, на полигоне Пули-Чархи, произошло еще одно памятное событие. Как-то ранним утром, прибыв сюда, чтобы продолжить стрельбы, мы обнаружили, что весь полигон, особенно вдоль подножья горной гряды, был усеян примитивными черными шатрами кочевников, рядом с которыми дымились многочисленные очаги, а вокруг бродили одинокие верблюды и ослики и паслись небольшие отары овец и коз. Кое-где маячили фигурки людей, занятых каким-то делом. Среди этой идиллической картины своей нетипичностью выделялась большая армейская палатка, украшенная поверху разноцветным орнаментом. Зная уклад жизни афганских кочевников, в ней без труда угадывалось жилище их вождя, хана.

Афганские офицеры нашли сложившуюся ситуацию безвыходной, полагая, и не без оснований, что никто и ничто не могут заставить гордых и независимых по духу и взглядам кочевников покинуть без нужды занятое ими место, которое традиционно считается ими своим. Это же мнение разделили генерал Хуссейн-хан и Г.Х.Расули и высказали предположение, что, видимо, придется отложить стрельбы минимум на две-три недели. Немного подумав, они робко, не надеясь на успех, предложили Трубицыну поехать лично (обязательно без них) к хану кочевников и поговорить с ним по душам. Может быть, он пойдет на какие-то уступки.

Следуя жизненной логике "попытка – не пытка", Юрий Андреевич принял их совет. Сев в машину, мы вдвоем двинулись по направлению к ханской палатке. Примерно за триста метров от нее, откуда ни возьмись, нас встретила неистовым злобным лаем стая собак-волкодавов. Подбежав к машине, они то и дело порывались наброситься на нее. Возникла реальная опасность, что кто-то из этих остервенелых, злых тварей попадет ненароком под колеса машины. Невольно вспомнились почитаемые в Афганистане законы адата, по которым за предумышленное убийство собаки, особенно собаки кочевника, с виновника взыскивается полная "цена крови" ("хун") в размере 3500 кабульских рупий или же в отношении к нему применяется кровная месть. Пришлось, не вдаваясь в детали, посоветовать Юрию Андреевичу, сидевшему за рулем, быть предельно осторожным.

К счастью, лай собак услышал их хозяин. Появившись из палатки, он что-то крикнул им. Они немедленно успокоились и исчезли так же внезапно, как и появились. Подъехав, мы представились и попросили извинить нас, непрощенных гостей, за ранний визит и доставляемое беспокойство. Хан не скрывал эмоций и, как нам показалось, был искренне рад возможности познакомиться и поговорить с советскими военными специалистами - полковником и майором. Сам он, мужчина лет 40-45, внешне смотрелся весьма привлекательным: высокого роста, стройный, крепкого телосложения, с правильными европеоидными чертами лица, пронзительным взглядом глаз, тщательно выбритый с неизменными

для пуштуна пышными черными усами. К моему большому удовлетворению, как переводчика, он прекрасно говорил на языке дари.

Не успели мы присесть по приглашению хозяина и начать разговор, как откуда-то из-за палатки появился мальчик лет 10-12, видимо, сын хана, и, получив указание отца, вскоре принес чай, каждому в отдельном никелированном чайнике-заварнике (повторимся, в те года такие чайники, сделанные в СССР, пользовались большим спросом в Афганистане). Осмотревшись кругом, мы не могли не заметить богатую меблировку ханской палатки: внутри нее и снаружи были расстелены большие ковры ручной работы, перед палаткой, вокруг низкого столика стояли до полдюжины легких складных стульев, а чуть поодаль на ковре – кальян и маленький транзистор, из которого тихо лилась национальная музыка.

Утренняя благодать и умиротворенность природы, внутреннее убранство и уют ханской палатки на фоне неприглядной и голой степи, ароматный чай на свежем воздухе и радушие гостеприимного хозяина – все это, вместе взятое, затронуло, как думается, потаенные чувства моего коллеги, человека, в общем-то, не сентиментального. Он не на шутку разговорился, чего раньше за ним не наблюдалось, без усталости восхищаясь своеобразным укладом жизни кочевников, их завидной близостью к матушке-природе, их безграничной свободой распоряжаться своей судьбой. Наконец, Юрий Андреевич дошел до здоровой, натуральной пищи обитателей черных шатров и при этом особо выделил по своей питательности и полезности для человека козье (овечье) молоко.

Хан, с интересом слушая гостя и непрестанно в знак согласия, кивая головой, оживился, когда речь зашла о козьем молоке. Улучив момент, он обратился ко мне:

- *Как вы, господин переводчик, относитесь к данному продукту?*
Я догадался, что должно последовать за этим, и схитрил:
- *Знаете, уважаемый хан, мой желудок почему-то не воспринимает любые молочные продукты.*
- *Эй, мальчик, – крикнул хан своему сыну, – принеси-ка господину полковнику стакан молока.*

Через некоторое время появился запыхавшийся мальчик и протянул полковнику доверху наполненный молоком граненый стакан. Уже при беглом взгляде нельзя было не заметить, что стакан не блистал чистотой, но, главное, на его дне отчетливо выделялся подозрительный зеленоватый осадок.

- *Что делать? – полушепотом спросил меня Юрий Андреевич.*
- *Как что? Надо пить: ты ведь сам напросился на это.*

Превозмогая себя, он выпил добрую половину стакана и не забыл после этого поблагодарить хозяина. Далее разговор зашел и о том, ради чего мы собственно и приехали к хану: о полигоне и стрельбах. При этом нами была особо подчеркнута опасность пребывания людей и животных на полигоне, где могут еще оставаться неразорвавшиеся снаряды. Хан внимательно выслушал эти и другие наши доводы и просьбы и тоном человека, непреклонного в своих решениях, заявил:

- *Мы, господин полковник, без особой нужды или по чьей-либо воле не оставляем законно занятую нами территорию. Сегодня, видимо, исключительный случай. Только из уважения к вам, советским офицерам, мы нарушим традицию. Однако извините, не можем это сделать не раньше середины завтрашнего дня: нам ведь надо собраться и найти новое, подходящее для нас место.*

Хан, как и подобает пуштуну и его понятиям чести и достоинства мужчины, сдержал свое слово: к середине следующего дня его соплеменники покинули полигон. Тем не менее стрельбы ни в этот день и ни в последующие три дня так и не состоялись, на сей раз по иной, весьма прозаической причине: желудок полковника, привыкший к непритязательной солдатской пище, все же не выдержал испытание "здоровым и питательным" парным козьим молоком.

При проведении полевых занятий и стрельб завидное усердие и мастерство показывал

Г.Х.Расули. Что касается Хуссейн-хана, то он не изъявлял ни малейшего желания сесть в танк и тем более пострелять. Юрий Андреевич, заботясь об авторитете генерала, в беседе с ним наедине убедил его, как командира бригады, показать на деле подчиненным свою профессиональную пригодность. Хуссейн-хан нехотя согласился. Впервые за все время учебы облачившись в комбинезон и надев танковый шлем, он вместе с Юрием Андреевичем заняли место в танке. Закрылись люки и танк рванулся вперед. Все присутствовавшие на полигоне, затаив дыхание, всматривались в район целей и ждали результата. Зная неоднозначное отношение слушателей курсов к генералу, можно было предположить, что одни из них искренне "болели" за него, другие же, его недруги, потаенно, со злорадством предвкушали его посрамление. Юрий Андреевич, чтобы исключить последнее, сел на место наводчика, оставив генералу лишь одно, единственное действие – нажать на спуск. Успех стрельбы при таком "разделении" труда был предрешен: все цели были поражены с первых же выстрелов.

По возвращении танка на исходные позиции случилось то, что должно было случиться: улыбающегося и довольного собой генерала, едва показавшегося над люком боевой машины, встретили восторженными аплодисментами, что, скажем так, не очень-то принято в армейской среде. Наблюдая эту картину, подумалось, что складывающееся в афганской армии корпоративное сообщество танкистов, наконец-то, приняло в свои ряды еще одного генерала.

С завершением функционирования танковых курсов нам уже больше не привелось встретиться с Хуссейн-ханом. Некоторое время он командовал 15 тбр, потом был направлен в министерство национальной обороны на высокую должность, правда, совершенно не связанную с бронетанковыми войсками, а затем – командиром пехотной дивизии в одну из провинций страны.

А вот с Г.Х.Расули наши жизненные пути пересекались не раз, особенно после его отставки из рядов афганской армии. Следует заметить, что при монархии его армейская карьера явно не складывалась, как думается, из-за близких, доверительных отношений с бывшим, опальным премьер-министром М.Даудом. Вскоре после окончания танковых курсов Г.Х.Расули был "отлучен" от службы в боевых частях и назначен начальником управления по призыву министерства национальной обороны, а какое-то время спустя уже с понижением - начальником отдела по призыву в одной из провинций страны. Уволенный в отставку в звании полковника, он вместе со своей большой семьей (у него было семеро детей) во второй половине 60-х гг. поселился в только что построенном I-м микрорайоне столицы, где по соседству проживали и мы, советские военные специалисты. Это позволяло время от времени, чаще всего случайно встречаться как с ним, так и его старшим сыном, студентом Джалалабадского медицинского факультета (со временем на его базе был открыт Нангархарский университет).

Расули-младший оказался общительным, открытым и общественно-политически активным человеком. Меня чрезвычайно удивили его идейные высказывания. В отличие от отца, придерживавшегося, как уже говорилось, консервативных, правых взглядов, его сын нескрываяемо и, как показалось, искренне тяготел к марксизму. При первых же встречах он доверительно сообщил о своей принадлежности к фракции Хальк Народно-демократической партии Афганистана. В связи с этим меня долгое время мучил вопрос: чем все-таки были вызваны подобные разительные идейные расхождения между сыном и отцом Расули? Много позже, уже после государственного переворота 1973 г., совершенного под руководством М.Дауда при опоре на леворадикальных афганских офицеров, главным образом танкистов, стало вполне очевидным, что отца и сына, несмотря на идейные расхождения, объединяла одна и та же глубоко осознанная цель – свержение монархического строя.

В один из осенних дней 1968 г., прогуливаясь после работы по микрорайону, я столкнулся лицом к лицу с Расули-младшим. Поговорив немного о происходивших в то время

на улицах столицы бурных выступлениях студентов, недовольных проектом Закона об университете, запрещавшего им участвовать в политической деятельности, он обратился ко мне с неожиданной просьбой помочь ему найти произведения классиков марксизма в переводе на язык дари или фарси. При этом он посетовал, что полученная его организацией от Народной партии Ирана марксистская литература не содержит оригинальных работ и носит в основном общий, комментаторский характер. Пришлось разочаровать моего собеседника. Помочь ему я, конечно, никак не мог и по соображениям политической деликатности вопроса, и по причине полного отсутствия у меня подобного рода переводных произведений.

Узнав в ходе разговора, что я собираюсь выехать на родину в очередной отпуск, Расули-младший поинтересовался:

- *Может быть, такие издания имеются в продаже в Москве?*
- *Трудно сказать, имеются ли? – с долей сомнения ответил я. – В последнее время я ни разу не встречал такие произведения в переводе на фарси и тем более на дари.*
- *А на английском языке? – не унимался он.*
- *Что касается их переводов на английский, то, по моим сведениям, их с избытком можно найти не только в Москве.*

На этом мы расстались. Вскоре я вылетел в Москву. На следующий день, направляясь в 10-е Главное управление Генштаба, чтобы оформить и получить отпускные документы, я вышел из метро на Арбатской площади и увидел стоявшего у его входа Расули-младшего. От неожиданности мы оба на миг застыли в изумлении.

- *Салам, дорогой, какая судьба занесла тебя сюда? – первым опомнился я.*
- *Салам, салам, остад. – ответил он. – Помните, неделю назад я говорил вам о литературе. Вот и ищу ее, правда, пока безуспешно. Говорят, что где-то здесь, на Арбате, есть большой книжный магазин.*

Показав и рассказав моему молодому другу, как пройти к книжному магазину на проспекте Калинина, я вместе с тем усомнился в его возможностях провезти такую литературу через пограничные и таможенные посты Кабула, на что он, загадочно улыбаясь, заметил:

- *Там у меня не будет никаких проблем.*

Такая самонадеянность казалась безосновательной, если иметь в виду, что левые взгляды и настроения, модные в то время среди афганской интеллигенции и городских средних слоев и изначально подрывавшие устои монархии, в принципе не могли приветствоваться правящими кругами страны. Однако когда я снова встретился с ним в Кабуле, оказалось, что у него, действительно, не было никаких проблем с провозом его солидного по весу багажа. Гораздо позже, уже при республиканском режиме М.Дауда, удалось узнать, что представители левых организаций, заполонившие еще с середины 60-х годов пограничные и таможенные службы Кабульского международного аэропорта, не только не препятствовали провозу через границу подобной литературы, но и всячески содействовали этому.

Вернемся к Расули-старшему. Как уже отмечалось, его военная карьера при монархии не сложилась. Однако, находясь в отставке, он сыграл заметную роль в подготовке и осуществлении государственного переворота 1973 г. Именно он, используя прежние связи с танкистами 4 и 15 тбр, тайно заручился их поддержкой и таким образом обеспечил успех антиправительственного выступления. После переворота он получил из рук М.Дауда воинское звание генерал-майора и был назначен командующим Центральным корпусом. С 1975 г. – начальник Главного штаба афганской армии. С принятием республиканской конституции 1977 г. вошел в числе первого в списке во вновь сформированное правительство в качестве министра национальной обороны и вскоре произведен в генерал-полковники. Он, входя в непосредственное окружение президента М.Дауда, сосредоточил в своих руках огромную власть. Примечательно, что командование 4 танковой бригадой он передал своему родственнику полковнику Мухаммаду Сарвару.

27 апреля 1978 г., когда президентская резиденция была окружена восставшими войсками, Г.Х.Расули сумел покинуть ее и вместе с начальником Главного штаба Абдул Азизом и начальником штаба Центрального корпуса Абдул Али попытался поднять 8 пехотную дивизию и 88 артиллерийскую бригаду против мятежников. Потерпев неудачу, они укрылись в штабе Центрального корпуса, на западной окраине Кабула, в местечке Тадж Бек. Вскоре и это место пришлось покинуть из-за начавшейся воздушной бомбардировки и направиться в гарнизон 7 пехотной дивизии в Ришхоре. В пути их машина столкнулась с колонной бронетехники 4 тбр, двигавшейся в Ришхор для оказания помощи своим сторонникам, и была расстреляна одним из танков. Так по воле злого рока Г.Х.Расули пал жертвой от рук бывших своих сослуживцев.

Наряду с временными танковыми курсами в Герате, а затем и в Пули-Чархи, с 1957 г. в Кабуле функционировали на постоянной основе, как правило, одногодичные курсы "А" (в афганской деловой переписке и обиходе последние нередко назывались "тактическими курсами"). На них проходили подготовку и повышение квалификации офицеры (преимущественно старшие) различных родов войск и служб, как-то: пехотинцы, артиллеристы, связисты, войсковые инженеры и химики, тыловики и т.д.

Во второй половине 60-начале 70-х гг. XX в. мне, бывшему офицеру-артиллеристу времен Великой Отечественной войны, выпала честь работать на курсах "А" в качестве старшего переводчика учебной группы артиллерии. На них предмет "Боевое применение артиллерии" вел кандидат военных наук, полковник Александр Петрович Грачев (до командировки в Афганистан – доцент Военной артиллерийской академии в Ленинграде), а дисциплину "Правила стрельбы артиллерии" – старший лейтенант Нур-уль-Хак Олуми, незадолго до этого возвратившийся из США после учебы там. Одновременно он командовал батареей в полку королевской гвардии.

Н.Олуми, пуштун из кандагарского племени исхакзай, уже с первого взгляда обращал на себя внимание своими заметными внешними данными: высоким, двухметровым ростом, стройной, как и подобает строевому офицеру, фигурой, красивыми, мужественными чертами лица, ладно сидящей на нем военной формой одежды и умением в любой ситуации держаться с достоинством и благородством. Его бросающаяся в глаза восхитительная внешность дополнялась живым умом, широким кругозором знаний и превосходной профессиональной подготовкой как офицера-артиллериста. Добрый и обходительный по натуре, он вместе с тем при необходимости мог проявить свою твердую волю и требовательность. Это его качество отчетливо обнаружилось в его отношениях с обучавшимися на курсах старшими офицерами. Будучи по званию младшим офицером, он, как преподаватель, не стеснялся ставить нерадивым майорам, подполковникам и даже полковникам низкие оценки по своему предмету, вызывая тем самым у последних неприкрытое недовольство и нарекания.

Ему была присуща еще одна характерная черта – огромная тяга к знаниям и самосовершенствованию. Не знакомый по своей прежней военной подготовке и службе с принятыми в Советской Армии теорией и правилами стрельбы наземной артиллерии, он за короткое время, с помощью и под руководством полковника А.П.Грачева глубоко изучил их и не раз с успехом демонстрировал свои способности на боевых стрельбах. В связи с этим вспоминаются проводившиеся на полигоне Пули-Чархи стрельбы с использованием различных артиллерийских систем и различных способов пристрелки, в том числе и с корректированием стрельбы с воздуха. Кстати, такого рода стрельбы проводились в Афганистане впервые за все время существования его армии. В роли летчика-наблюдателя на самолете Ан-2 выступал Н.Олуми, Он блестяще провел пристрелку и поразил намеченные цели с минимумом расхода снарядов, чем заслужил похвалу представителя Главного штаба афганской армии, присутствовавшего на полигоне.

Он был также в числе первых в Афганистане, кто освоил практическое применение поступивших из СССР на вооружение афганской армии противотанковых управляемых

реактивных снарядов (ПТУРС). Их показательные стрельбы состоялись в декабре 1969 г. в районе Шакаркала (к югу от Кабула) во время проведения тактического учения усиленного механизированного полка. Наблюдавший за учениями король Захир-шах был восхищен точностью стрельбы этими снарядами и выразил благодарность Н.Олуми и возглавляемому им расчету, состоявшему исключительно из афганских военнослужащих.

Насколько мне помнится, Н.Олуми в процессе нашей совместной работы на курсах "А" никогда, даже в частных, доверительных беседах, не высказывал свои взгляды по происходившим в то время в стране бурным общественно-политическим событиям и острым международным проблемам. Так что его идейно-политические взгляды долгое время для меня, по крайней мере, оставались за семью замками. И только много лет спустя, уже при левом кабульском режиме, из рассказов его брата Абдул Хака Олуми выяснилось, что оба они еще с середины 60-х гг. входили в члены тайной антимонархической "Армейской революционной организации" (АРО).

Блестящие организаторские способности Н.Олуми ярко раскрылись при правительстве Бабрака Кармаля, особенно с 1985 г., когда он (Н.Олуми) был назначен генерал-губернатором Кандагара и командующим дислоцированным там 2-м армейским корпусом. Глубоко зная специфические особенности пуштунского сообщества, спаянного во многом кровным родством, он раньше других, советских и афганских руководителей, то есть еще до официального провозглашения в стране политики национального примирения, понял, что надежное умиротворение Афганистана возможно лишь на путях поиска разумных компромиссов с вооруженной оппозицией. Исходя из этого своего убеждения, он установил контакты со многими полевыми командирами и через переговоры с ними, а иногда и путем заблаговременных жестких предупреждений умерял их воинственный пыл, срывал замышляемые ими террористические акты и нападения на гражданские и военные объекты и таким образом обеспечивал в провинции относительный мир и безопасность.

Однако подобного рода инициативы Н.Олуми, его умение ладить с вооруженной оппозицией по принципу "ты меня не трогай и я тебя не трону" не нравились высокому афганскому, да и советскому (особенно военному) руководству в Кабуле, которое, как правило, требовало от него проведения активных боевых действий по разгрому бандформирований в зоне дислокации 2-го армейского корпуса. Порой доходило до того, что Н.Олуми стали подозревать в симпатиях к моджахедам и даже в тайных связях с ними. Следствием всего этого явились его неоднократные переводы с одного места службы на другое или же отправка на учебу в СССР.

Н.Олуми, как губернатор, кроме поддержания мира, порядка и безопасности на подвластной ему территории, большое внимание уделял решению социальных вопросов, организации торговли и обеспечению населения продовольствием и товарами первой необходимости, промышленному и сельскохозяйственному производству, чем снискал широкое признание и почет в глазах жителей провинции. В этом мне пришлось еще раз убедиться, оказавшись зимой 1985 г. на несколько дней в Кандагаре, после длительной поездки по соседним провинциям – Нимруз и Гильменд. Присутствуя по приглашению гостеприимного хозяина на совещании прибывших к нему белобородых старейшин племен Кандагарской провинции, каждый из которых по возрасту годился ему (Н.Олуми) в отцы, нельзя было не заметить, что все они, помимо выражения традиционной восточной вежливости перед лицом начальствующим, питают к нему искренние чувства уважения как к мудрому и непререкаемому авторитету. Вместе с тем меня приятно поразила его (Н.Олуми) манера держаться с достоинством, без какой-либо угодливости перед умудренными жизненным опытом вождями племен, а также и его такт проявлять по отношению к ним неподдельную почтительность и преклонение.

На данной встрече обсуждались в основном хозяйственные вопросы, в том числе ремонт дорог, больниц, школ, оросительных сооружений и нужды крестьян по подготовке к весенне-полевым работам. Правда, не была обойдена вниманием и военно-политическая

ситуация в провинции. Речь, конечно же, зашла о мерах по пресечению возможных террористических и диверсионных актов и вылазок антиправительственных группировок. И все же наибольшее оживление среди присутствовавших на встрече старейшин вызвал не этот вопрос, а интенсивные артиллерийские обстрелы, которые в ночное время вели советские войска по местам вероятного скопления моджахедов. При этом один из старцев с запальчивостью рассказал, что чаще всего стрельба тяжелыми снарядами ведется через населенные пункты и пригороды Кандагара, нарушая этим покой и сон местных жителей и создавая реальную угрозу их жизни. Обращаясь к губернатору, он с явным сарказмом закончил:

– *Они, шоурави, что так боятся ночной темноты и со страха палят куда ни попало?!*

Этот недружелюбный выпад против советских войск не смутил губернатора. Он спокойно пояснял, что ночные артиллерийские обстрелы ведутся "не из страха перед ночной темнотой", а вызываются острой военной необходимостью. Одновременно Н.Олуми, признав совершенно обоснованной обеспокоенность присутствовавших по поводу проблемы покоя и безопасности своих сограждан, пообещал вместе с советским командованием принять меры для того, чтобы как-то, хотя бы частично, решить ее.

Н.Олуми – личность, безусловно, яркая. Он, как истинный патриот своей родины, и после крушения левого режима в стране, не остался безучастным к ее будущей судьбе. В конце апреля 1992 г. генерал-полковник Н.Олуми вместе с рядом высших гражданских и военных лиц прежнего режима, в частности премьер-министром Ф.Х.Халекеяром, его заместителем А.В.Сораби, первым заместителем министра обороны генерал-полковником Наби Азими и др., присутствовал на официальной церемонии "мирной" передачи власти правительству моджахедов. После этого он еще некоторое время продолжал оставаться на военной службе. Весной 1993 г. он потерял своего брата генерал-лейтенанта Абдул Хака Олуми, убитого при нелепых обстоятельствах на одной из улиц в центре афганской столицы. Эмигрировав вместе с семьей в Голландию, Н.Олуми летом 2003 г. объявил о создании под своим руководством Объединенной национальной партии Афганистана (Хезб-е моттахед-е мелли-йе Афганестан). Однако министерство юстиции и Верховный суд Исламского Государства Афганистан, посчитав ее правопреемницей прежней Партии Отечества (Хезб-е ватан), долгое время отказывало предоставлять ей легальный статус. И лишь весной 2005 г. ОНПА прошла официальную регистрацию и получила право на открытую политическую деятельность. На парламентских выборах в сентябре этого же года его партия провела в нижнюю палату "Вулуси джиргу" несколько своих депутатов. В их числе был и Н.Олуми, избранный в законодательный орган страны от жителей Кандагара.

На курсах "А" преподавал и обучался ряд других офицеров, каждый из которых был по-своему примечательным. Одним из них являлся артиллерийский полковник Ковват-хан Бридваль. Он запомнился мне как добропорядочный и веселый по характеру человек, прекрасный рассказчик, большой знаток ираноязычной литературы и истории своей страны, последовательный приверженец прогрессивных взглядов и убеждений и высокообразованный в военном деле офицер. Успешно окончив указанные курсы, он занимал ряд высоких командных постов в афганской королевской армии. Однако его военная карьера внезапно оборвалась с приходом к власти республиканского режима М.Дауда.

В сентябре 1973 г. в Кабуле был раскрыт антиправительственный заговор, возглавленный деятелем прозападной ориентации, бывшим премьер-министром М.Х.Майвандвалем. Среди арестованных оказалась большая группа высокопоставленных армейских чинов, в том числе бывший командующий ВВС и ПВО, генерал-полковник в отставке Абдурраззак, бывший губернатор Нангархара генерал-лейтенант в отставке Хан Мухаммад, бывший командующий полицией и жандармерией, генерал-лейтенант Мухаммад Рахим, полковники Заргун Шах, Саид Амир, Кохат, Ковват-хан Бридваль и другие (всего вместе с гражданскими лицами более 100 человек). Военный трибунал, состоявшийся в декабре, приговорил пятерых из них, включая и М.Х.Майвандваля, к смертной казни, остальных - к различным срокам тюремного заключения.

В конце 80-х гг. XX в. мне снова посчастливилось встретиться в г. Джалалабаде с Бридвалем. В то время он, отставной полковник, занимал должность председателя провинциального совета Национального фронта Республики Афганистан. За чашкой чая нам было о чем вспомнить и поговорить по душам. Отвечая, среди прочих, на мой вопрос относительно причин его ареста, а затем длительного тюремного заключения, Ковват-хан с присущим ему юмором рассказал, что "свое право на казенные харчи и шестилетний даудовский тюремный университет" он получил только за то, что в числе заговорщиков оказались его старые друзья-соплеменники, хотя сам он был совершенно не причастен к их тайным замыслам. Зная присущие ему такие личные качества, как открытость и неприхотливость, у меня не было никаких оснований сомневаться в правоте его слов. Слушая его, я порадовался тому, что Бридваль, несмотря на все выпавшие на его долю тяжкие невзгоды и удары судьбы, сохранил в себе твердость духа и воли и остался Человеком совести и долга.

Прямой противоположностью ему оказался другой слушатель курсов "А" – полковник артиллерии Сеид Мир Ахмад Шах. Это был по складу характера необщительный, скрытный, но весьма амбициозный офицер. На протяжении всего срока обучения он не проявлял особого интереса к занятиям, ничего не записывал и сидел как-то отрешенно, со скучающим видом. На выпускных экзаменах он показал полное незнание предмета и, естественно, получил неудовлетворительную оценку. Вот тут-то он оживился и стал настойчиво требовать хорошую оценку, мотивируя это тем, что его назначают на генеральскую должность – начальником артиллерийского управления министерства национальной обороны. Получив отказ, он попытался оказать давление на преподавателя А.П.Грачева, заручившись поддержкой начальника курсов "А" полковника Мухаммада Асефа. В конце концов, Мир Ахмад Шаху предоставили возможность пересдать предмет, но уже специальной экзаменационной комиссии в составе советского преподавателя, начальника курсов "А" и представителя Главного штаба афганской армии. Результат был прежним. Однако, как выяснилось позже, диплом об "успешном" окончании курсов он все же получил и был назначен начальником артиллерии 17 гератской пехотной дивизии, затем начальником артиллерии 2-го кандагарского корпуса, произведен в генералы и, наконец, в 1973 г. получил возделенную должность начальника артиллерийского управления министерства национальной обороны.

Мир Ахмад Шах не принял государственный переворот 1973 г. и установление в стране республиканского строя. Тесно связанный с высшими клерикальными кругами и шиитскими духовными лидерами, он возглавил антидаудовский заговор, ликвидированный в декабре 1976 г. Заговорщики ставили своей целью создать в Афганистане теократическое государство во главе с "праведным президентом", избираемым из среды духовенства, утвердить в стране власть "прогрессивного ислама" и "искоренить власть коммунистов". Оказавшись на скамье подсудимых, Мир Ахмад Шах направил покаянное письмо М.Дауду, главе Республики Афганистан, в котором полностью признал свою вину и просил о пощаде. Видимо, данное письмо сыграло свою роль: военный трибунал сохранил ему жизнь, приговорив его к 20-летнему тюремному заключению.

На курсах "А", как уже говорилось, проходили подготовку также и специалисты-связисты. Они по своим воинским званиям и должностному положению заметно отличались от слушателей других групп и по преимуществу были представлены младшими офицерами и унтер-офицерами элитного полка связи центрального подчинения, дислоцированного в столице. Кроме советских специалистов, преподавание в данной группе вел и афганский офицер, выпускник ленинградской Военной академии связи, капитан Алим Джан. Переводчиком же группы являлся мой однокашник и друг Николай Григорьевич Луговской.

Как-то Коля, сославшись на нездоровье, попросил меня заменить его и задиктовать слушателям-связистам на языке дари прочитанную накануне лекцию. Здесь придется пояснить. На курсах "А" при полном отсутствии в то время необходимой учебной литерату-

ры на языке дари, практиковалась такая схема занятий: сначала советский преподаватель подробно разъяснял слушателям содержание того или иного вопроса с переводом на язык дари, а затем переводчик задиктовывал под запись на языке дари соответствующие разделы лекции или же материалы из учебных пособий на русском языке. Для афганских офицеров и унтер-офицеров подобные записи являлись, по сути дела, главным и чуть ли не единственным учебным пособием. Поэтому-то у нас, переводчиков, отношение к данному виду работ было особо ответственным.

Итак, зайдя в аудиторию и направляясь к трибуне-кафедре, я не мог не заметить перевернутый вниз головой портрет короля Захир-шаха, висевший над классной доской. Вмиг представилось: как же нелепо и, главное, неполиткорректно я буду смотреться за трибуной, на фоне перевернутого портрета монарха. Поздоровавшись и стремясь придать своему голосу как можно более беспристрастный тон, я попросил:

– *Будьте любезны, господа, поправьте портрет Его Величества.*

В ответ аудитория, к моему немалому удивлению, почти-что хором выдала:

– *Это именно то положение, которое он заслуживает!*

У меня тут же мелькнула мысль: провокация! Видимо, стоит тебе, переводчику, то ли улыбкой, то ли еще каким-то одобрительным жестом или словом согласиться с увиденным и услышанным, как появятся все основания обвинять тебя в соучастии в оскорблении особы короля, а советскую сторону – во вмешательстве во внутренние дела страны. Подумалось: нет, господа, не получится! Пришлось снова, тем же невозмутимым тоном повторить прежнюю просьбу. Через несколько томительных секунд кто-то из слушателей все же осмелился поправить портрет короля.

После занятий я навестил своего большого друга, благо наши квартиры располагались не только в одном доме, но даже и в одном подъезде. Мой рассказ несколько не удивил Колю. По его словам, такие манипуляции с портретом короля случались в группе связи и раньше. Обсудив сложившуюся ситуацию, мы пришли к единодушному выводу, что против нас, советских военных специалистов и переводчиков, замышляется какая-то пакостная провокация с тем, чтобы скомпрометировать успешно развивающиеся советско-афганские связи. В этом мнении мы еще больше утвердились, когда на следующий день и позже "портретная акция" не получила никакой огласки как внутри курсов, так и за их пределами.

И лишь десятки лет спустя, при встрече и беседе с Алим Джаном (к тому времени он был уже в звании генерала) мне удалось выяснить подлинные причины того злополучного события. Алим Джан, конечно же, вспомнил о нем и рассказал, что то были не происки недругов советско-афганского военного сотрудничества, как мы прежде думали, а вполне осознанная демонстрация перед нами антимонархических настроений части афганских военнослужащих. При этом он пояснил, что специалисты-связисты, поступая подобным образом с портретом короля, ничем не рисковали, так как все они, без какого-либо исключения, являлись идейными единомышленниками – членами Народно-демократической партии Афганистана.

Нельзя не сказать, что сам Алим Джан, офицеры и унтер-офицеры упомянутого полка связи сыграли существенную роль в успехе антимонархического переворота 1973 г. и апрельского вооруженного восстания 1978 г. Именно их усилиями были полностью парализованы все попытки правящей верхушки связаться с верными ей силовыми структурами и поднять их на борьбу с восставшими. Что касается Алима Джана, то его дальнейшая судьба оказалась весьма печальной. В начале декабря 1989 г. он, занимая тогда должность начальника управления связи министерства обороны, был арестован по подозрению в подготовке военного переворота и в ходе следствия подвергнут жесточайшим пыткам. Однако вскоре усилиями министра обороны Ш.Н.Таная был выпущен на свободу, правда, с условием, что не будет допущен к работе. Хотя, впрочем, если бы он даже и захотел это сделать, то физически не смог бы, поскольку после пыток оказался во невменяемом со-

стоянии.

Еще одной заметной фигурой среди афганских преподавателей курсов "А" являлся военный инженер, старший лейтенант Эсматулла Мослем (в обиходе – Эсмат, Эсматулла или же Эсматулла Ачакзай). Он, сын известного в стране вождя кандагарского племени ачакзай, отличался крайне взрывным, непредсказуемым поведением, нетерпимостью к чужому мнению, если оно расходилось с его собственным, откровенным пуштунским шовинизмом и гипертрофированной самооценкой. У многих на курсах "А" было подозрение, что его повышенная возбудимость и резкая смена настроения вызывались в определенной мере появившимся у него пристрастием к курению "травки".

Указанные черты характера Эсмата нередко приводили его к конфликтам с коллегами по службе и даже с высоким армейским начальством. Однажды, помнится, он, не сдержавшись, в порыве гнева по какому-то поводу полез в драку с генералом, начальником одного из управлений министерства обороны, схватил стеклянный шар-украшение, лежавший на столе хозяина кабинета, и запустил его в генерала, за что был посажен на пятнадцать суток на офицерскую гауптвахту. Однако утром следующего дня был выпущен на свободу. Ходили слухи, что такое снисхождение к его персоне было связано с нежеланием афганских центральных властей (и не только военных) ссориться с влиятельной верхушкой ачакзаев.

С приходом в апреле 1978 г. к власти в стране левого режима Эсмат еще некоторое время служил в афганской армии. В июне 1979 г. он примкнул к антиправительственному Национальному исламскому фронту Афганистана Сеида Ахмада Гилани и организовал в Кандагарской провинции отряд из своих соплеменников под названием "Федаян-е ислам". К середине 1981 г. в его составе, по зарубежном (видимо, завышенном) данным, насчитывалось до 5 тысяч боевиков. В начале 1984 г. он и его значительно поредевшая группа (по тем же данным, в ней осталось от 300 до 800 человек) перешли на сторону кабульского правительства. Его отряд получил статус проправительственного ополченческого формирования и некоторое время спустя прославился в вооруженной борьбе против различных группировок моджахедов, а также в охране дороги Кандагар-Кабул.

Наши жизненные пути с Эсматуллой снова, весьма своеобразным образом пересеклись в сентябре 1985 г., на Высшей джирге пограничных племен, состоявшейся в афганской столице, в конференц-зале Кабульского политехнического института (КПИ). На ней Эсматулла представлял собой племя ачакзай. Утром, незадолго до открытия джирги, заметив его, идущим по аллее КПИ в направлении конференц-зала, у меня возникло спонтанное решение подойти к нему и поговорить как со старым знакомым. Но, не успев сделать и десяток шагов в его сторону, я услышал его крик, обращенный к одному известному в стране генералу медицинской службы:

- *Ты почему не отдаешь мне, боевому генералу, честь?*
- *Дорогой Эсмат, я – генерал-лейтенант, а ты – генерал-майор. Так, кто же из нас, согласно воинским уставам, должен первым отдавать честь?*
- *Какие там уставы? Тебе известно, что у нас, у пуштунов, честь воздается по боевым заслугам, а их у меня гораздо больше, чем у тебя и всех вас, вместе взятых! – продолжал кипятился он, показывая рукой на группу генералов, стоявших поодаль.*

Чтобы утихомирить не в меру разбушевавшегося Эсмата, к разговору с ним присоединились другие генералы и находившиеся рядом высокопоставленные гражданские лица. Естественно, их задача была не из легких, если учесть черты характера возмутителя спокойствия, а, главное, то, что он в тот момент явно был в состоянии наркотического опьянения. Мне же по этой причине не оставалось ничего другого, как отказаться от задуманной встречи с ним.

Пожалуй, более неприятное событие и снова с участием Эсматуллы случилось на следующий день, утром. Подъехав к контрольно-пропускному пункту КПИ, я вышел из машины и еще не успел закрыть ее дверцу, как попал под интенсивный автоматный обстрел.

Крикнув шоферу "Баки, гони!", я нырнул в караульное помещение, где увидел вповалку лежащих на полу солдат охраны. Пули со свистом и с характерным металлическим звоном ударили по листам кровельного железа, которыми со стороны дороги была прикрыта караульная будка. Пришлось и мне пригнуться. Через несколько мгновений стрельба прекратилась. В секретариате джирги, куда я пришел, мне рассказали, что виновником перестрелки явился Эсмат. Подъехав к развилке дороги, находившейся в 150-200 м от КПИ, он в категорической форме потребовал у полицейского поста пропустить его вместе со своей многочисленной вооруженной охраной. Получив относительно его охраны решительный отказ, его стража открыла огонь по полицейским и солдатам службы безопасности. Завязалась перестрелка. В итоге были жертвы и с той, и с другой стороны. Был ранен в бедро и сам Эсмат.

Данный инцидент, естественно, омрачил ход Высшей джирги пограничных племен, однако не помешал ее успешной работе. Эсмат был госпитализирован и некоторое время спустя направлен на лечение в СССР, в том числе и от наркотической зависимости. Что касается шофера Баки, то он, к счастью, рванув с места и выйдя из зоны обстрела, остался невредимым, хотя одна пуля слегка задела кузов "Волги".

Позже, оказавшись в Кандагаре, я не преминул спросить губернатора Н.Олуми об Эсмате и его ополченцах. Н.Олуми лестно отозвался о храбрости последних, высоко оценил их вклад в дело поддержания порядка и безопасности в провинции. Вместе с тем он сокрушенно покачал головой:

- *К сожалению, Эсмат, их командир, – неизлечимо больной человек. С ним можно спокойно поговорить только до 6 часов утра. После этого часа он уже не управляем.*

Несколько обособленно на курса "А" стояла группа афганских преподавателей так называемой "военно-исторической и моральной подготовки". В ее состав входили полковник Мухаммад Яхья Науруз и капитан Али Ахмад Джалали. Последний в основном читал лекции о военной истории афганцев в древнее время и средние века и являлся автором двухтомного труда "Очерк военной истории Афганистана с древнейших времен до эпохи баракзаев". Эпизодически с лекциями по военной и моральной тематике выступали перед слушателями курсов также полковник (затем – генерал-майор) Абдукадир Халик и другие офицеры, в основном штатные сотрудники Отдела морали и дисциплины Главного штаба афганской армии. Функции духовного пастыря на курсах "А" исполнял на нештатной основе майор Мулладжан Паштунджар, по основной работе – начальник учебного отдела этих курсов.

М.Я.Науруз принадлежал к знатному роду. Его отец, Мухаммад Науруз, входил в дворцовую аристократию. В молодости он был личным секретарем принца Амануллы-хана (будущего короля Афганистана), издателем и редактором газеты "Науруз", главным секретарем Надир-шаха и Захир-шаха. В последующие годы дважды занимал посты министра внутренних дел и министра финансов и длительное время находился на дипломатической службе в качестве посла в Иране, СССР и Саудовской Аравии. Был спикером парламента двух созывов (в 1955-1960 гг.).

Несмотря на свою богатую родословную, М.Я.Науруз, будучи старшим сыном, в семье, внешне никогда не страдал манией величия и в общении со своими сослуживцами был весьма прост, приветлив и доступен. А вот в отношениях с нами, советскими людьми, проявлял крайнюю сдержанность. Порой казалось, что он не питает к нашей стране каких-то симпатий. В кратких разговорах с ним, когда они случались, М.Я.Науруз, как правило, не касался проблем курса историй Второй мировой войны, который он читал афганским слушателям. Это вызывало в нашей среде удивление, так как многие из нас являлись непосредственными участниками этой войны и могли бы поделиться с ним своими воспоминаниями.

Можно предположить, что М.Я.Науруз просто не считал для себя нужным иметь по-

добную информацию, даже из первых рук. Пройдя многолетнюю подготовку в престижных военных учебных заведениях Англии и США и находясь в плену западных оценок и трактовок Второй мировой войны, он в читаемом им курсе все военные события тех лет сознательно сводил исключительно к характеристике польской кампании 1939 г., операций союзников в Северной Африке, Западной Европе, на Балканах и в зоне Тихого океана. Восточный же, советско-германский, фронт оставался для него чем-то второстепенным и малозначащим.

Впрочем, в этом же ключе была написана генералом Г.Фаруком книга "История войны", изданная в 1967 г. под грифом "Для служебного пользования" и предназначенная для обучения афганских армейских кадров. В ней до мельчайших подробностей (почти на 100 страницах) показывались боевые операции союзников на Западном, Североафриканском и Тихоокеанском театрах военных действий. Зато описание событий на советско-германском фронте давалось более чем схематично и мимоходом, собственно всего лишь на 12 страницах, да и то ограничивалось в основном начальным периодом войны, когда Красная армия вынуждена была отступать и вести тяжелые оборонительные бои. В данной книге вообще не упоминаются битва под Курском, наступательные операции советских войск в 1944 г., битва за Берлин и участие СССР в войне против милитаристской Японии. Московской и Сталинградской битвам Г.Фарук отводит всего несколько ничего не значащих строк, а вот "политическому завещанию" и последним дням Гитлера, которого автор называет "величайшим властелином и самоотверженным человеком нацистской Германии", посвящает целых 5 страниц.

"Идейное" обоснование такого рода предвзятым и тенденциозным трактовкам истории Второй мировой войны было дано в книге генерала Абдурраззака Майванда "Пропаганда и деятельность пятой колонны во Второй мировой войне. Меры защиты от нее", которую он написал, когда занимал пост военного атташе Афганистана в Москве. В ней А.Майванд, ничтоже сумняшеся, называет "советской пропагандой" иную, чем дается в афганской военной печати, интерпретацию истории Второй мировой войны. По его словам, Советы, преследуя геополитические цели насадить коммунизм по всему свету, пытаются в своей пропаганде "умалить силу Англии и Америки, убедить народы в мощи и величии России" и показать таким образом, что "только армия России своими силами нанесла в этой войне уничтожающие удары по врагу". Вместе с тем генерал повторяет и расхожий тезис, встречающийся в западной историографии, о том, что-де причинами поражения гитлеровской Германии явились лишь "роковые случайности", вроде суровой русской зимы.

Здесь уместно добавить, что указанная книга А.Майванда, изданная в Кабуле в 1961 г. под грифом "Для служебного пользования", являлась при монархии основным учебным пособием по предмету моральной подготовки афганских офицеров. Другим, менее идеологизированным учебным пособием по моральной подготовке служил сборник лекций генерала Г.Фарука, прочитанных им в свое время для курсантов Харби похантун (вышел из печати в 1966 г. также под грифом "Для служебного пользования").

Справедливости ради надо заметить, что восприятие труда А.Майванда в среде афганского офицерства было далеко не адекватным. В этом мне пришлось убедиться при посещении в 1964 г. зимнего палаточного лагеря элитного 444 батальона "коммандос" под Джалалабадом. После знакомства с ходом боевой учебы, бытом и жизнью батальона его командир, улучив момент, когда остальные участники встречи любовались пейзажами Джалалабада и его долины, пригласил меня в свою палатку, где без долгих предисловий протянул мне упоминавшуюся выше книгу А.Майванда со словами:

- *Возьми, дорогой, сие сочинение на память. Тебе, видимо, будет интересно узнать, что пишет этот генерал (далее последовал в его адрес непечатный эпитет из ненормативной лексики языка дари) о вас и вашей стране. Знай, мои офицеры и я думаем иначе. Хотя, надо признать, написанное в этой книжке бросает тень и на нас, как говорит пуштунская пословица, "когда в коровнике одна корова испраж-*

няется, то пачкает всех".

Полистав подаренную мне книжку, я невольно обратил внимание на ее порядковый издательский номер и гриф "Для служебного пользования" и не удержался от вопроса:

- *А у тебя не возникнут неприятности с утратой этого номера?*
- *Пусть тебя это не волнует, – заверил он меня. – Как-нибудь выкрутимся, как говорят у нас, в народе: "Даже если гора и самая высокая, то через нее все равно найдется тропинка".*

Мне же вспомнилось, что у нас, у русских, в подобных случаях обычно пользуются другим крылатым выражением: "Бог не выдаст, свинья не съест". Вот так я стал обладателем этого пристрастного, теперь уже по прошествии нескольких десятков лет, и раритетного сочинения одного из бывших советских недругов.

Еще несколько штрихов к портрету А.Майванда. Мне приходилось не раз общаться с ним в официальной и неофициальной обстановке в его бытность военным атташе в Москве и позже, когда он последовательно исполнял обязанности начальника управления боевой подготовки и начальника оперативного управления министерства национальной обороны, а также начальника Высшего военного училища (Харби похантун). По моим наблюдениям и отзывам его сослуживцев, в армейской среде многие его не любили не только из-за его правых взглядов и прозападных пристрастий, но и как высокомерного и корыстолюбивого человека, склонного к показной роскоши и самохвальству.

Как-то при поездке по северным провинциям Афганистана я оказался в одной машине с А.Майвандом. Проезжая мимо крупнейшего в стране Гульбахарского текстильного комбината, принадлежавшего частной компании "Насаджи", он оживился и с явным самодовольством сообщил своим спутникам, что является акционером этой компании и что только за прошлый год его дивиденды по акциям составили несколько десятков тысяч афгани (для сравнения: ежемесячный генеральский оклад того времени не превышал 7 тысяч афгани). Его меркантильные наклонности убедительно раскрылись в беседе с губернатором провинции Кундуз, к которому мы заехали по пути в порт Шерхан. За обеденным столом, так сказать, в неформальной обстановке, А.Майванд весь разговор с губернатором свел к вопросу о земле, ее плодородии в провинции, наличию в свободной продаже, ценам и условиям ее приобретения. Не знаю, удалось ли генералу пополнить свои земельные владения? Как известно, подобные сделки в деловых кругах обычно совершаются подальше от любопытных глаз.

О богатстве и расточительности А.Майванда в афганской армейской среде ходили легенды, сопровождавшиеся, как правило, присказкой, что "сей господин, бесится от жиру". Согласно одной такой байке, генерал, сооружая невдалеке от центра столицы свою роскошную виллу в два этажа, будто бы оснастил ее дорогим, привезенный из Европы лифтом.

Пожалуй, самой одиозной фигурой среди офицерства афганской королевской армии 60-70-х гг. XX в. можно считать сардара (принца) Абдул Вали, сына дяди короля, маршала Шах Вали. Родственные связи Абдул Вали с династией были еще больше скреплены его женитьбой на дочери Захир-шаха - Белкис. Выпускник Сандхерстского военного училища и штабного колледжа в Кэмберли (Англия), он быстро продвигался по военной служебной лестнице: в начале 60-х гг. он уже командовал батальоном в столичной 8 пехотной дивизии, а в 1967 г. в звании подполковника был назначен начальником штаба Центрального корпуса. В 1970 г. за успешное проведение операции по разгону антиправительственного выступления клерикалов ему присваивается воинское звание генерала,

Человек ниже среднего роста, с пролысиной на голове, он в целом внешне был неприметным. Видимо, осознавая данную ему от природы непритязательность, он, в нарушение принятой в афганской армии формы одежды, носил фуражку с довольно широким, опущенным под большим углом книзу козырьком, закрывавшим полностью его глаза. Поэтому, чтобы посмотреть на собеседника ему приходилось откидывать голову назад, при-

давая этим своему внешнему виду напускную важность и горделивость. И только в общении с влиятельными духовными лидерами страны, особенно из числа членов Высшего совета улемов и духовенства, он в корне преобразался. Перед ними он подобострастно снимал фуражку, низко кланялся и, обнимаясь с ними, угодливо прикасался своей щекой к их щекам.

Мне памятна одна весьма загадочная встреча с Абдул Вали, происшедшая осенью 1964 г. Направляясь утром вместе с генералом И.И.Кучеренко в советское посольство и проезжая мимо Кабульского городского управления дорожной полиции в районе Димазанга, наша машина неожиданно была остановлена офицерами полиции. Отвечая на наш недоуменный вопрос о причинах остановки, они путанно пояснили, что будто бы наш шофер-афганец утром того дня совершил наезд на пешехода со смертельным исходом. Наши заверения о том, что машина, на которой мы ехали, в то утро не выезжала за пределы нашей виллы, не возымели никакого действия. Начались дотошные допросы шофера и осмотр автомобиля. В этот момент откуда ни возьмись появился Абдул Вали. Выслушав нас и полицейских, он с раздражением махнул рукой и, обращаясь к последним, приказал:

- *Отпустите господина генерала! – и, повернувшись к нам, с улыбкой попросил: Извините, господин генерал, наши стражи порядка, кажется, перестарались.*

Ни в тот день и ни в последующие к нашему шоферу какие-либо претензии не предъявлялись. Что же это, в конце концов, было: или нелепая случайность, или какая-то мерзкая провокация против советского генерала? Вопрос остался открытым. Тем не менее указанный случай ярко высветил место Абдул Вали в иерархии власти в стране. Быть может, таким оригинальным способом он хотел именно это и показать? Как знать?!

Любопытна еще одна беседа с Абдул Вали. Случилась она на приеме в советском посольстве по случаю Дня Советской Армии и Флота. Замечу, что совпосол С.П.Киктев при беседе с высокопоставленными военными чинами имел обыкновение пользоваться услугами переводчиков, работавших в армейской среде. В данном случае, как это нередко бывало, выбор пал на меня. В ходе разговора Сергей Петрович поинтересовался у Абдул Вали:

- *Ваше превосходительство, извините за любопытство, почему вы выбрали карьеру пехотного офицера? Как мне известно, во всех армиях мира наиболее престижной считается все-таки служба в военно-морском флоте, авиации или же, наконец, танковых войсках.*

Абдул Вали, как-то парадно приняв стойку "смирно", слегка откинув голову назад, с пафосом ответил:

- *Господин посол, я предпочитаю сложить голову за веру и короля под открытым небом, на глазах у Аллаха, а не внутри какой-то там железной коробки!*

Да, действительно, Абдул Вали рьяно оберегал устои монархии, не гнушаясь при этом прибегать к разного рода интригам против нелояльных режиму элементов и расправам над ними. К примеру, когда он служил в 8 пд, в результате его козней бил снят с должности один из неугодных ему батальонных командиров по явно сфабрикованному обвинению в "пропаже" автомата. Или еще один пример. В 1965 г., как рассказывали, лично по приказу Абдул Вали были схвачены несколько курсантов Харби похантун по подозрению "в пропаганде социализма" и расстреляны без суда и следствия. Кроме того, в марте 1972 г. не без его ведома был арестован ряд офицеров, обвиненных в подготовке заговора против короля.

Особенно тревожное положение в афганской армии сложилось весной 1973 г. в связи с неудавшейся попыткой сторонников М.Дауда и группы леворадикальных офицеров вывести танки из гарнизона Пули-Чархи с целью осуществления антимонархического переворота. Началось следствие, и уже к концу июня сыщики напали на след заговорщиков. Получив эти сведения, Абдул Вали, сопровождавший короля Захир-шаха в его поездке по Европе, спешно возвратился в афганскую столицу. Осознав масштабы заговора и серьезность возникшей угрозы для монархии, он начал активно готовить контрпереворот, чтобы

с помощью верных ему войск физически расправиться с военной и гражданской оппозицией и таким образом спасти режим.

Однако М.Дауд на несколько дней опередил своего родственника. Когда группа восставших офицеров пришла в дом маршала Шах Вали, чтобы препроводить его в тюрьму, он принял их за сторонников своего сына и воскликнул:

– *Что Абдул Вали уже совершил революцию?*

Сам же Абдул Вали первоначально отказался сдаться на малость победителей и некоторое время пытался безуспешно связаться с войсками и поднять их против мятежников. Когда же танкисты выстрелом из танковой пушки, забыв, впрочем, вставить в снаряд взрыватель, прошили верхний этаж его виллы, Абдул Вали прекратил сопротивление и был арестован.

Несколько месяцев спустя я спросил одного из афганских офицеров, активного участника государственного переворота:

– *Что вы будете делать с генералом Абдул Вали, двоюродным братом М.Дауда?*

– *Предадим суду и за пролитую кровь наших товарищей поставим к стенке, – решительно заявил он.*

Все-таки М.Дауд оказался более великодушным. В 1975 г., избавившись в значительной мере от леворадикального окружения, глава Республики Афганистан освободил из тюрьмы Абдул Вали и позволил ему воссоединиться с семьей, проживавшей в Италии. В последующие годы и при левом кабульском режиме, и при моджахедах Абдул Вали от имени экс-короля Захир-шаха принимал участие в неоднократных попытках мирного урегулирования афганской проблемы. Ныне Абдул Вали вместе с семьей по-прежнему проживает в Италии.

© Фото из архива автора, журнала «Ды Орду Маджалла» и альбома «Афганистан сегодня»

1961 г. Долина Шакардара (к северу от Кабула). Пикник, организованный подполковником Г.Х.Расули для советских военных специалистов и их семей. В центре – командир 15 тбр генерал-майор Хуссейн-хан.

1961 г. Пикник в Шакардара. Застолье жен и детей советских военных специалистов.

1964 г. г. Джалалабад. 444 батальон «коммандос». Слева направо: первый – начальник штаба батальона, второй – советский инструктор, третий – командир батальона, четвертый М.Ф.Слинкин, пятый и седьмой – представители министерства национальной обороны Афганистана, шестой – руководитель группы советских военных специалистов, генерал И.И.Кучеренко, восьмой – переводчик Б.Б.Терентиенко.

1968 г. Военные курсы «А» в Кабуле. Группа афганских офицеров – преподавателей. Слева – старший переводчик М.Ф.Слинкин, справа – кандидат военных наук, полковник А.П.Грачев.

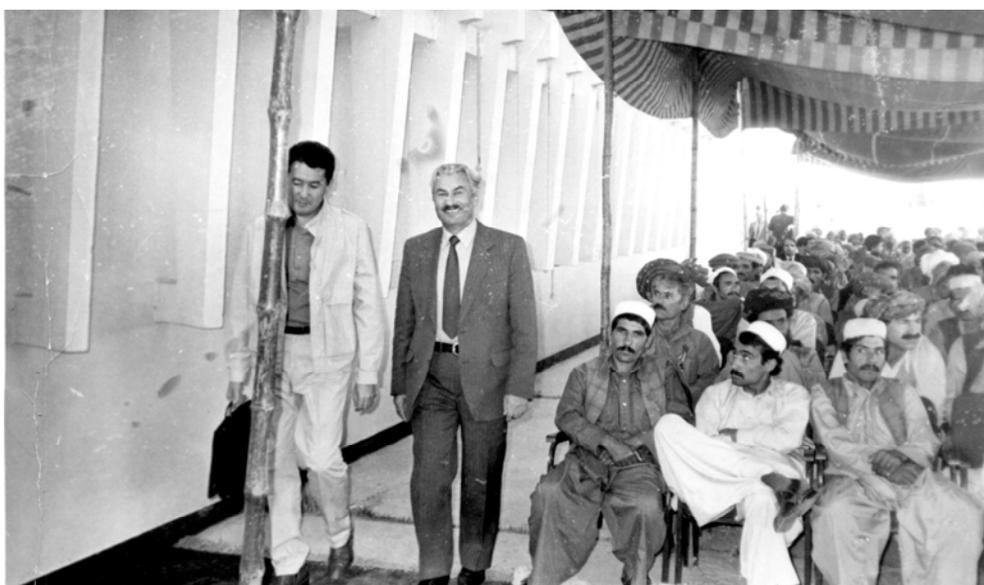
Король Захир-шах и наследный принц Ахмад Шах (слева) наблюдают за тактическими учениями усиленного механизированного полка с боевой стрельбой.

1980 г. Слева направо: Б.Камаль, Н.Олуми и М.Рафи.

Конференц-зал Кабульского политехнического института.

**Сентябрь 1985 г. Кабул, Кабульский политехнический институт.
Высшая джирга пограничных племен. Справа – пакистанские гости из племени африди.
Слева направо: советские советники А.Б.Ярлыкапов и М.Ф.Слинкин.**

Март 1986 г. Слева направо: М.Ф.Слинкин и шофер Абдул Баки.

СОДЕРЖАНИЕ	
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.....	3

М.Ф.СЛИНКИН
АФГАНСКИЕ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ

ВДОЛЬ АФГАНСКОЙ ГРАНИЦЫ.....	7
МУХАММАД ДАУД И МОДЖАХЕДЫ.....	28
ТАМОЖНЯ ДАЕТ «ДОБРО».....	31
ТАНКИСТЫ, АРТИЛЛЕРИСТЫ И ДРУГИЕ.....	45
СОДЕРЖАНИЕ.....	68